

ТЮМЕНЬ Литературная

Край озер,
степеней и
березовых
колков

Газета писателей России и Русского Зарубежья

RUSSIA № 4 (61) 2000 TYUMEN

Первый номер вышел в июле 1972 г.

Издание возобновлено в декабре 1989 г.

С. Бердюжье. Центральная площадь в праздник.

Творческий портрет Бердюжского
района Тюменской области

Солончаки

Солончаки, солончаки.
От зноя спекшиеся травы.
И ни колодца, ни реки,
Один лишь суслик у канавы.

Да чудом держится пырей,
Хоть просит дождика из тучки.
А дальше снова суховея
Качает красные колючки.

Но что поделаю? Кулик
И здесь нахваливает кочку!
Я тоже барин не велик.
Иду-бреду себе пешочком.

Вновь перелески да поля,
"Ижи", наделавшие грому.
Да это ж родина моя!
Иду и радуюсь живому.

Николай Денисов

Архивные документы свидетельствуют о давнем интенсивном заселении Бердюжской лесостепи людьми особого склада. В 1760 году был принят царский указ о ссылке в Сибирь крепостных за "дерзостное поведение". Часть ссыльных стали пополнять население слобод Бердюжской, Калмацкой, Уктузской, Бутырино, Карасево, Половинной. Среди них было немало участников восстания Емельяна Пугачева...

Свет преображения

Сегодня, куда ни поспеши в родных бердюжских весях, едва ли не всюду — желанный когда-то асфальт. Все центральные усадьбы хозяйств (даже при развале самих хозяйств), соединены дорогами с твердым покрытием. Хорошо, что говорить. О том ведь и мечталось когда-то, продираясь сквозь наши солонцы на попутной машине или — хуже того! — пешим ходом. Дороги, дороги... Какие они были? Проселочные с канавами тут и там, ухабами, глубокими колеями. Да и «городская» дорога, так называли тракт на Ишим, не краше была. Сегодня пролетел на хорошем «авто», не заметил, как на месте оказался. Кажется, и горевать не о чем?..

Но человеческая душа, устроена так, что вспоминается ей не о благополучном, быстролетном, а больше о путях-дорогах со студеным ветром в лицо, хлопьями снега, забивающими дыхание. Или с грозовой тучей в небе, расколовшейся на твоём пути, расквасившей донельзя солонец. Или путь жаркий, пыльный, соленый от пота. Или — под ночными созвездиями, с луной, с мерцающими вдали огнями «печальных деревень».

Немало исхожено, измерено, исплавано мной и других дорог по земле-воде, точнее сказать, по планете Земля. Закроешь глаза и — привидится дорога, скажем, в аргентинской степи. Она чем-то похожа на нашу приишимскую, с тем лишь отличием, что не косят там сено, нет надобно-

сти. Стада, отары пасутся круглогодично. И мяса оттого и шерсти в Аргентине вдвойне. И цена по нашим меркам на эту продукцию «копеечная». Вот за этим товаром приплыли мы однажды на большом океанском сухогрузе, чтоб, загрузившись, повторить обратный далекий путь через шторма и циклоны Атлантики — в Европу, ближе к родным весям...

Об этих весях вспоминалось мне и в других тропических морских широтах — в Юго-Восточной Азии, в Тихом океане, в Ледовитом, где в миражных преломлениях полярных сияний вдруг виделась наша окуневская роща, полевой простор с воздвигнутыми в небо зародами сена, с бегущими полевой дорогой телегами и фургонами, на которых возвращались в село с песнями под вечер сенокосные звенья...

И в тех весях, и в Москве, учась в институте, видел я себя возвращающимся раннеутренней дорогой — от свертка большака Ишим — Бердюжье — в родное село. По этой дороге ушел однажды в большой мир. И так получилось, что навсегда ушел, возвращаясь на родину уже гостем, смущаясь и виноватясь перед земляками, что не разделил с ними до конца и беды, и горести, и, конечно, радости родной земли...

Уже кричал на стадо зычно
Пастух у крайнего плетня.
Я шел, шурша плащом столичным,
В кармане мелочью звеня.

Ведь здесь же, озаряемые волнующим душу юным светом, мы задумали однажды с Сашей Кузьминым построить свой самолет, чтоб «удивить» всех! — подняться в небо, пролететь от зерносклада до МТМ, чтоб выбегал из домов народ, чтоб показывал в небо: «Это они летят!» Мы построили «ангар» из камыша, раздобыли мотор ЗИД-4,5, резиновые колеса «позаимствовали» от казенных боковых граблей. Э-эх, не хватись пропажи бдительный бригадир тракторной бригады!.. И все же мы «взлетели» — не наяву, понятно, а в моем рассказе «Душа не терпит», который вошел потом в одну из моих книжек.

Священный свет... Однажды я прочел в «Новом Завете» об этом божественном свете, что идет к человеку от Господа нашего Иисуса Христа. И называется он Фаворским светом. Тот свет, что явил Спаситель своим ученикам-апостолам на горе Фавор в знак своего всемогущества. И как утверждает богословие, источник этого Фаворского света находится внутри нас и может воссиять, так как все мы призваны к святости...

Всякая ли душа способна воссиять этим светом? Не знаю. Наверное, в отдельных людях. Но на них, отдельных, и держится жизнь, иначе скучней и обыденней было б наше земное бытие.

Потому всякий раз — в жару и стужу! — шагая дорогой в родное село, вспоминаются эти люди, живущие в родных весях, их нерядовые деяния во благо людей.

Светлей воспринимается наша не столь яркая местность — поля, озера, колки — и даже перестроечная разруха представляется временной, данной от Бога в наказание за наши грехи и безверие.

Вспомню, что в Уктuze живет великий радатель православной веры Тимофей Павлович Кузин. Он своими руками построил церковь, неустанно взывает к людям: «Очнитесь, пробудитесь, хватит грешить!» Радостно сознавать, что в Истошино живет и умело хозяйствует на земле председатель колхоза Демидов, с которым не довелось познакомиться воочию, но издали ощущаю на себе силу его внутреннего света, силу хозяина земли, радетеля. В родном Окунево непременно потянет заглянуть в дом Николая Фомича Каргаполова — умельца, каких поискать. То трактор из металлолома соберет, то самодвижущую косилку, то мельницу-крупорушку. И с гитарой, с песней в ладу. А через несколько домов от Каргаполова и вовсе светлый человек живет — хороший поэт Сергей Борисович Борисов... А уж в Бердюжье говорим — не наговоримся с неугомонным Николаем Ольковым, однокашником по Литинституту... И всякий раз приходят на память строки другого нашего однокашника великого русского поэта Николая Рубцова:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

И так будет всегда. До конца.

Жить, создавая и радуясь

Беседа главного редактора «Тюмени литературной» Николая Денисова с главой администрации Бердюжского района Иваном Горбачевым

Н. Денисов. Открывая номер «Тюмени литературной», посвященный делам и людям Бердюжского района, хочу, Иван Григорьевич, подчеркнуть, что это и мой район, моя малая родина. Жил здесь и как-то не особенно задумывался, что район наш находится в уникальнейшем географическом положении в области. И не только! Я вот проехал сейчас из Тюмени эти 300 километров на автобусе, въехали на территорию района — это ведь уже другой мир. По ландшафту, по воздуху даже! Схож с нашим соседний Армизонский район, другой сосед — Казанский — уже разнится, там большая река протекает, а у нас озера, озера, озера... Но вот кто бы мог подумать, что мы когда-то станем землей пограничной?! Что здесь проляжет государственная граница с севером Казахстана, то есть с бывшими русскими казачьими землями, потерянными ныне Россией. Граница эта пока «прозрачная», но все равно — граница! Как это отражается на жизни района, как люди себя ощущают в пограничье? И вы как руководитель района?!

И. Горбачев. Интересный вопрос, Николай Васильевич. Я тут должен уточнить, что сам я голышмановский. В сентябре 1980 года очутился в Бердюжье. Поначалу ездил домой, поскольку квартиру дали не сразу, тянуло — вот Голышманово, родина! А теперь, пожив, поработав здесь, считаю, что лучше Бердюжского района в области ничего нет! И здесь, наверное, останусь до самых последних дней. Район действительно уникальный. Достаточно назвать такую цифру: у нас в районе 256 промысловых озер. Теперь о границе. Мы, конечно, эту границу не замечаем. И все же... Раньше мы не знали, что такое наркотики. Да, слышали, но этой беды не знали. Никто в деревнях и не думал даже, что в нашем районе может появиться такое зло. А оно пришло к нам с юга, из-за границы...

Две и две десятых тысячи квадратных километров территория района. В соседях у нас районы Армизонский, Голышмановский, Ишимский, Казанский. Это наша область. Граничим с Чистозерским районом Курганской области и 7,8 километра — граница с Казахстаном.

Н. Д. И вообще небо над нами! Да, жизненная ситуация изменилась. Государство изменилось. И зарубежье — вот оно! Хотя в кавычки бери это слово, но все равно — знаю! — неласковое для русских зарубежье.

И. Г. И у нас скоро будет установлена пограничная служба. И граница эта должна быть закрыта. Имею в виду не только наш район. По югу области сто

восемьдесят километров этой границы. Закроют в Сладковском, Казанском районах, а у нас в районе Зарослово и Половинки будет застава. Пограничники будут из наших, набирать будем на контрактной основе. Конечно, не сделать границу «по всем правилам», дорогостоящее это дело, километр обустройства стоит более двух миллионов рублей. Пустить бы эти деньги на газификацию... Но границу и проселочные дороги придется охранять. Меньше будет наркотики этой... Еще и бензин наш уходит в Казахстан. Лес. Без всяких пошлин. Машины стареют сейчас идти в Казахстан не через Казанку, где таможня, а нашими проселками. Вот сегодня задержали две машины с пиломатериалами, возле милиции стоят. Недавно спирт задержали...

Н. Д. Свалилось на нас... У голышмановцев таких проблем нет.

И. Г. В советское время мы ездили в Казахстан за мясом, за фруктами, техникой там покупали. Они у нас лес брали, пиломатериалы... На взаимовыгодных условиях. Никаких проблем.

Н. Д. Сколько сел-деревень сегодня в районе? Сколько жителей?

И. Г. Тридцать три деревни, около 14,5 тысячи жителей. Но население уменьшается, говорю это с горечью. Рождаемость упала, смертность превышает рождаемость в полтора раза, как и везде в русских регионах.

Н. Д. В обозримое время немало деревень исчезло с карты района. Молодое поколение, пожалуй, и не помнит, не знает о их былом существовании.

И. Г. Они исчезли во времена Никиты Сергеевича, когда он занимался укрупнением. Не досчитываемся больше десяти деревень: Мишино, Чистовка, Игнатовка и — далее...

Н. Д. В пяти верстах от Окунева — Песьяново на ладан дышит. А какое многолюдное село было!

И. Г. Пустые дома дачники покупают — голышмановцы, ишимцы. Я сам там много лет сажу картошку. Земля — чернозем. Копаеть картошку, а она словно помытая. Крупная, отборная!

Н. Д. Вот и давайте поговорим о проблемах...

И. Ш. Для меня как для главы администрации района проблема — уйти от иждивенчества. Как ни прискорбно это говорить, мы сегодня оказались во всем зависимы от государства. Что нам дают, то потребляем. Как те воронята неоперившиеся, клюв открыли, нам туда на толкали, мы проглотили. Доля собственных муниципальных доходов колеблется от 60 до 10 процентов. Остальное — дотации от области. В этом году нам «положено» 21 миллион рублей. На год. На первое августа получили 23 миллиона. Мне говорят — хорошо. А надо еще до конца года жить... Конечно, пригородным тюменским районам дают больше, но эти районы областной центр кормят. А мы

глубинка. Хотя будь у нас, к примеру, Ситниковский молочно-консервный комбинат поближе, жилось бы нам получше. А то сегодня приходится всю молочную продукцию продавать Ишимскому маслосыркомбинату, который монополист. Установил свою цену. Задолжал нам миллионы и не рассчитывается... Думаем нынче запустить свой небольшой цех переработки молока, скрасим положение нашего крестьянина. В Ишим молоко уже не повезем.

Н. Д. Иван Григорьевич, вопрос возникает поневоле. Вспомним годы Советской власти. Сколько было скота? Сколько доили? Об этом всегда раньше писали. Хвалили хороших тружеников, награждали, поощряли. Как нынче при свободах, дарованных нам демократами? Кажется, бери землю, разводи скот, хозяйствуй, как душа желает... Можно ли отказаться от губернаторских дотаций, самим обеспечивать себя? Перерабатывать самим молоко, коптить рыбу, которую есть где ловить, разводить ее, выращивать. Да мало ли как при свободах можно вернуться трудолюбивому человеку? Один дед в Окунево говорил о наших местах так — «золотое дно Советского Союза!» Наверное, надо восстанавливать дойное стадо, возобновить откормочное животноводство? К этому должны возвращаться? Правильно?

И. Г. Правильно.

Н. Д. Что хотят жители бердюжских сел-деревень? Вопрос этот, конечно, обширный...

И. Г. Давайте по порядку. Район сельскохозяйственный. В советское время мы сеяли пятьдесят четыре тысячи гектаров зерновых. Считаю, что занимались не совсем правильным делом. Хорошего урожая никогда не получали. Валовку хлеба давали, в основном, за счет увеличения посевных площадей. Сейчас засеваем всего 34 тысячи га зерновых. Но я вам скажу, Николай Васильевич, если сравнить работу нынешних полеводов с вчерашним днем, то это — день и ночь. Культура земледелия выросла.

Н. Д. За счет чего?

И. Г. Человек стал понимать, что он работает сам на себя. Раньше пришел на работу, значит, тебе надо платить. Ничего не делаешь, все равно получаешь деньги. Сегодня надо ДЕЛАТЬ. Вот ваша малая родина. Совхоз «Бердюжский» сеял десять тысяч га зерновых. Сегодня от совхоза осталось СПК, засевают всего 400 гектаров. Они, конечно, свое существование прекратят. Но к чему веду? В этом же совхозе есть агрофирма «Юбилейный». Она взяла в аренду 3900 гектаров земли. Те же окуневцы работают. Но посмотрите какой хлеб получают нынче! Его можно сравнить с лучшим в области заводоукским хлебом. Пойдем дальше. В районе

нынче сеем тридцать четыре тысячи гектаров, этими же комбайнами убираем. И зерно тоже хорошее. Можно из него хлеб печь, а в прошлые годы все зерно годилось только на фураж. И самое интересное, что наш колхоз имени Калинина стал семеноводческим. Готовит семена для всей области. Там Сергей Иванович Демидов председательствует. Хорошо у него дела идут. А на поля посмотрите — ни осота, ни овсяга. И никто людей не подгоняет, как раньше — райком, партком, профком, народный контроль.

Урожайность?! Раньше больше шестнадцати центнеров пшеницы с гектара не получали. Сейчас — 19 центнеров. Да если бы еще минеральные удобрения вносить! Но выручают пары. Парами нынче занимаемся основательно. Перед бердюжанами поставлена задача — получить 66 тысяч тонн зерна. Получим.

Н. Д. Хорошо... Где-то люди и без работы сидят? Сидят. Добывают хлеб насущный, где подвернется работа. И техника, что осталась от развалившихся хозяйств, на ладан дышит...

И. Г. Да, положение дел, как при начале коллективизации, когда в каждой деревне был колхоз, а сегодня — мелкий СПК. Но, думаю, снова пойдет объединение этих СПК — сельскохозяйственных производственных кооперативов. Ну что это — обрабатывать всего 400 га?! Сколько людей в СПК? Да пять человек. Ну, извините... А в крупном СПК Уктузском, к примеру, сколько? Меньше четырех тысяч гектаров пашни. Будет объединение... Кстати, колхоз имени Калинина вообще никаким реформам не подвергался. Как был колхозом, так им и остался. Но это тема отдельного разговора...

Н. Д. Иван Григорьевич, я стараюсь следить за тем, куда мы движемся. Страна. Россия. Русский крестьянин всегда был человеком артельным, общинным. Мое убеждение — в одиночку, с лопатой, вилами, при нашем суровом климате, борьбе за выживаемость, из русского не может получиться американский фермер, как захотели того наши демократы. Не тот у нас менталитет, не тот строй души, характера. И Сибирь далеко не Флорида по климату. Конечно, вы можете не соглашаться со мной.

И. Г. Почему же, согласен. Вот пример. Есть у нас частник работающий Владимир Ильич Демидов. У него около восьмидесяти гектаров пашни. Он один. Один вспахал, один посеял, один обработал. Сегодня у него стоит трактор и машина на краю поля, он на комбайне молотит хлеб. Намолотил, сел на трактор, отвез на приемный пункт, опять — все по кругу...

Н. Д. А случись, не дай Бог, что? Заболел, ногу подвернул...

И. Г. Да, да... Опять будут большие хозяйства, но уже на другой основе.

Н. Д. Когда я работал в Окунево, слушал что народ говорит, размышлял. И тогда говорили о больших свободах, без указиловок что делать... К примеру,

возле яря было у нас прекрасное пастбище на солонцах. Кроме «овечьей» травы там ничего не росло. Паслись овцы, телята, коровы домашние. Распахали. Ничего не вырастили. Потом завалили навозом, не пройти, не проехать. Целинные земли разрабатывали! Зачем?..

И. Г. И еще медали за «Освоение целинных земель» давали. Крестьяне-то все равно знали, какая земля даст урожай, какая нет. В районе ведь все солонцы подняли...

Н. Д. А как нынче с овцеводством?

И. Г. Никак.

Н. Д. А были в каждой деревне большие отары овец.

И. Г. Вернемся к полеводству. Сегодня нагрузка на комбайн очень велика. А купить новые трудно. Голландские комбайны, что губернатор для нас купил, работают с огромным напряжением.

Н. Д. Опять — губернатор купил...

И. Г. Спасибо ему, нам не купить... Один такой комбайн пять миллионов стоит. Будем надеяться на красноярский «Енисей». Он хорошо себя оправдывает у нас. Но и «Енисей», какие остались, на предельном износе. Порой думаешь, как они еще ходят?!

Н. Д. Нелегкий разговор, Иван Григорьевич... Но я знаю мнение сельчан, многих горожан, патристические газеты кричат, а криком кричу в своих стихах, в прозе: разруха, развал! Фермы, посмотришь, по бревнышку, по шиферному листу растащены...

И. Г. В животноводстве в одиночку дела тоже не поправишь. Но все идет — как по философской спирали: от чего ушли, к тому снова придем. Но не будем возводить уже больших комплексов, что строили в доперестроечные времена. Сегодня общественное животноводство в районе — тысяча голов, а в индивидуальных дворах 2,2 тысячи. И это правильно. Но надо сделать так, чтобы крестьянин мог молоко и мясо достойно продать. И сегодня в районе это удается делать. Мы никогда за всю историю района не собирали свыше пятисот тонн молока. Сегодня собираем. Есть в райцентре молокоприемный пункт. По деревням на своей технике работают молокосборщики. И зарабатывают неплохие деньги. В нашем же Окунево в прошлом году сборщики имели в день по пятьсот рублей. Давайте подсчитаем: крестьяне сдают молоко по два рубля за килограмм. Сдали пятьсот тонн. Хорошая прибавка в семейный бюджет получается! Если бы было больше пунктов приема, была бы конкуренция, частник бы больше коров держал.

Я хотел бы выразить благодарность губернатору Рокецкому за то, что с его помощью мы решили проблему свинопольства. Начинать с того, что давали по пятьсот килограммов комбикормов на свиноматку. Бесплатно. Только держи! Не важно, кому ты потом поросят продашь. Важно, чтоб эти поросята разошлись. Нынче давали по сто рублей на одну голову поросенка. Есть у тебя десять поросят, получи тысячу. В три раза подняли поголовье свиней в районе. За

Иван Григорьевич Горбачев

счет личных хозяйств. Правильная политика. И вопросов тут не может быть!

Конечно, в советское время к животноводству было большое внимание. Соцсоревнования, съезды доярков, сауны, красные уголки на фермах с полированной мебелью. Награды! К этому вернемся. К примеру, вместо соревнования — смотри-конкурсы. Суть не в названии. Сегодня уже определили хорошие премии, ежеквартально собираемся. Скажем, получил человек в конверте тысячу рублей, сказали ему спасибо, он знает: замечен! Будем возрождать животноводство и вот таким путем. Проблем много. Но надо сделать так, чтоб человек мог заготовить корма, достойно сдать продукцию. Работы здесь очень много.

Одна деталь: раньше мы более двух тысяч килограммов на корову в год не давали. Сегодня надо доить по три тысячи. Обновить стадо, сменить краснепеструю корову на черно-пеструю породу? Или с прежней хорошо работать?! Как? Доить, кормить, поить вовремя. Все!

Н. Д. А социальная сфера, быт, строительство, культура, образование, спорт, транспорт? От этого тоже куда-да не уйдешь. Что сразу бросается в глаза. Приехал я из Тюмени на хорошем автобусе, правда, раньше был лучше — «Мерседес» с видеком и даже туалетом... Но, гляжу, сейчас по району практически не ходит транспорт. Из Ишима раньше можно было ежедневно и недорого проехать в любую деревню района. Сейчас — нет...

И. Г. Раньше у нас были свои автобусы, сегодня «Облпассажиртранс» всем заправляет, требует рассчитываться живыми деньгами, а их нет. Он и «Мерседес» у нас забрал...

Н. Д. Возьмем сферу культуры. Сколько сегодня люди выписывают периодики? Наверное, крайне мало. Телевизор все смотрят, а с радио, слышал, проблемы.

И. Г. Радио сегодня в Бердюжке нет, Проводной. И пусть пока не будет. Это ж вчерашний день. Пусть меня ветераны критикуют за это, но когда-то от проводного надо уходить. Пора жить в 21-м веке. Но нельзя было ломать старое, пока новое не создали. Сломали! Кстати, в Бердюжском

районе проводное радио было самое сильное. По этому вопросу работала областная Дума, дело дошло до Совета безопасности...

По телевидению у нас прогресс, дали дополнительный канал. К концу года намерены иметь и эфирное радио. Ветеранам, инвалидам войны мы раздали приемники...

За перестроечное время мы не сократили ни одну школу, не закрыли ни одного клуба, ни одну библиотеку. Есть вопрос о кино. Но... имея дома видеоманитфон, кто нынче в кино ходит? Да и билеты дороговаты — два рубля.

Н. Д. Боже мой, таких цен уже давно нигде нет...

И. Г. В Москве, в Тюмени нет, а у нас — Бердюжье...

Н. Д. Десятый класс я заканчивал в Бердюжье и тогда больше половины наших выпускников поступили в вузы и в военные училища. Уровень подготовки был высокий, то есть высок и уровень преподавания.

И. Г. Он и нынче не понизился. И процент поступления в вузы тоже несколько не уменьшился. Тем более, время такое, что лучше молодому человеку «пересидеть» лихолетье за стенами учебного заведения, иначе ему просто делать нечего. Да, сегодня надо платить за учебу. Но и количество бюджетных мест не уменьшилось. Плюс — наш знаменитый региональный прием, который оплачивает сегодня областная администрация.

Мы живем в деревне. Специалисты нам и завтра будут нужны, чтоб крестьянские хозяйства умело работали в рыночных условиях. Будем создавать у себя группу для обучения в сельхозакадемии и она обещает пойти нам навстречу — принять на учебу всех наших ребят, которые пожелают.

Да, в среде молодежи есть те, кто употребляет наркотики и пьет, но основная масса детей — это нормальные деревенские ребята: скромные, трудолюбивые...

Похвальное строительство дорог. Думаю, что к 2002 году мы вообще соединим все центральные усадьбы асфальтом, а потом начнем делать дороги внутри каждой деревни. Невольно задаешься вопросом: почему в советское время дороги не строили?

Н. Д. Строили. Но мало, не интенсивно.

И. Г. Да, лучшие кадры и средства отправляли на север обустроить новые города, месторождения. Надо было обустроить районы, близкие к областному центру. Сегодня ожила и наша глубинка. За последние десять лет у нас построено больше дорог, чем за весь прошлый период. В этом году должны освоить больше ста миллионов рублей. Львиную долю занимает федеральная дорога, которая идет на Курган. Но она даст жизнь!

Н. Д. Что еще построили за эти годы?

И. Г. Назову для примера нынешний. Бердюжское акционерное общество П. М. Неймишева — лучшее в регионе. Петр Максимович строит вообще по всей области и за ее пределами. А для Бердюжья? Обратили внимание на новое пожарное депо? В сентябре сдаем в эксплуатацию. Строим новую школу в Мелехино. Туда же

идет дорога с твердым покрытием. Ведем реконструкцию стадиона в райцентре. В январе 2001 года на нем пройдут областные сельские спортивные соревнования.

Н. Д. Наш район и в прежние времена славился зимним спортом. Лыжи. Хоккей. Здесь родился и вырос чемпион мира по лыжам Николай Аржилов...

И. Г. Извините, перебиваю, потому что тоже хочу подчеркнуть, что до сих пор хоккейные команды Окунево и Бердюжья между собой на всех спартакиадах играют за первое место в области. Хоккей с мячом...

Что Неймишев еще у нас делает? Реконструирует Уктузский детский дом. В здании бывшего детсада. Это будет единый социальный комплекс на высоком берегу озера...

Н. Д. Иван Григорьевич, неожиданный, может быть, вопрос: много сегодня в районе пьющих? Сколько на душу населения выпивается?

И. Г. В год мы выпиваем по 35 литров пива, по восемь литров водки. Каждый, даже младенец... Условно, понятно. Пятнадцать лет назад так же примерно пили. Кто пил, тот и продолжает...

Н. Д. Переговорили уже о многом. Наверное, всего не сумеем коснуться. Работы культпросветчиков, медиков, учителей... И все-таки хочу вернуться к тому, с чего начали беседу. С уникального положения района, его природы, особенно озер наших, известных всем уважающим себя рыбакам и охотникам области. Здесь наш юг. И пожалуй, здесь теплее чем в Тюмени. Березы, заметил, когда раньше приезжал дрова подмогнуть родителям заготовить, распускаются раньше. На первое мая в Тюмени еще почки не развернулись, а здесь уже лист в копейку. Воздух свой особенный — пахнет молодым камышом, ильским разнотравьем, испарениями озер. Много дичи. Много зверя и озерной птицы. Коршуны в небе стоят, жаворонки поют! Здесь не однажды принимались разводить и выращивать, кроме местного карася, ценные породы рыб — пелядь, карп, толстолобик. В окрестностях Окунево находится озеро Соленое — с целебными грязями. Воды — море разлитое, но очень остра в районе проблема питьевой воды.

И. Г. Давайте по порядку. Имея такое большое количество озер, а также желающих заниматься рыбозаготовкой, мы сегодня лишены права разрешать этим людям работать на озерах. Почему? Земля наша муниципальная, а вода — государственная. Поэтому заключать договор с человеком, изъявившим желание заниматься рыбозаготовкой, имеет право только «Нижеобьрыбпром». Мы много занимались этой проблемой, но она осталась. Написали губернатору наши предложения, чтоб главе администрации района делегировали полномочия на заключение договоров с индивидуальными лицами. Есть у нас такие люди. Человек взял бы озеро, был его хозяином и радетедем.

Н. Д. Тогда он не даст никому и на уху поймать.

И. Г. Удочкой — пожалуйста. Любой. И карася соответствующей сеткой можно.

Выращиваемого, скажем, сырка — нельзя. Впрочем, это все должно быть прописано в договоре... Но сегодня правовой механизм отсутствует. И мы не можем работать со своими рыбозаготовками.

Н. Д. У вас возрождается рыбозавод. Чем он будет заниматься?

И. Г. Также рыбозаготовкой. Но всем бы хватило и места и работы. Повторяю, у нас 256 озер! Некоторые, особо крупные, отданы под заказники. Ондатра и водоплавающая птица там спокойно размножаются. Браконьеры, бывает, шалят, но все равно дичи стало больше.

Н. Д. В самом деле, утки нынче плавают во всех лужах и канавах с водой.

И. Г. Второй год разрешаем весеннюю охоту на селезней. Зимой — на боровую дичь. Интересная деталь: в наших лесах сегодня чаще встретишь косулю — много косуль! — нежели зайчишку. Есть лиса, енотовидная собака, лось есть, но охота на него запрещена. Куница есть, норка, колонок, горностай, хорек, рысь и волки заходят.

А вот птичье царство. Прижился у нас морской баклан. Белый лебедь давно живет, появился и черный. Пеликанов развелось огромное количество. Ну и наши старожилы — журавль, цапля, рябчики, куропатки, кулички всех пород... Всего не перечислишь. Вы мне говорили, что в прежние, в пятидесятые годы, район славился ондатровым хозяйством. Есть и ондатра. Ценных мех. И нынче он очень дорогой...

Н. Д. И все же как быть с хорошей питьевой водой, Иван Григорьевич. Плохая вода да близость бывших испытательных полигонов атомного оружия в Казахстане, говорят, здорово влияют на здоровье людей?

И. Г. Пьем ту воду, что и наши предки пили. Из наших озер. Да, нам предлагали бурить скважины. Очень глубокие — до полутора километров. Там есть и минеральная вода. Но опять же — деньги. Дорого. И круг замыкается...

Н. Д. Понимаю, что трудностей в нашем неблагоприятном времени множество. Посмотришь, одна трагедия за другой в мире, в стране происходит. Взрывы, крушения, гибель кораблей и самолетов, кактаклизмы в обществе, в природе...

И все же человек рожден для созидания, для высшего проявления духа своего. Нынче человек при отсутствии государственной идеологии потянулся к религии, к православию, к Богу. И это хорошо. Православие всегда было великой крепкой Русского Государства. Ваши замечательные энтузиасты Тимофей Павлович Кузин в Уктузе и Николай Максимович Ольков в Бердюжье возродили, построили Храмы на месте когда-то поруганных. Честь им и хвала! Они совершили нравственный, гражданский, а прежде всего духовный подвиг. Для людей.

Пусть будет больше радости, больше праздников. Сибиряки умеют их отмечать — зимой и летом.

Строить и жить! Созидательней и благополучней.

Благодарю за беседу.

Август 2000 г.

ИЗ ИСТОРИИ БЕРДЮЖСКОГО РАЙОНА

Бердюжский район расположен на юго-востоке Тюменской области. Село Бердюжье — районный центр, в переводе с тюркского языка — селение между двух озер. От областного центра Тюмени — 384 километра, от Ишима — 90 километров, от станции Голышманово — 70. С железнодорожными станциями село Бердюжье соединено асфальтированными дорогами.

На севере района берет свое начало река Емец — приток реки Вагай, где погиб Ермак.

Район находится в лесостепном природном комплексе, с березовыми и осиновыми колками. Сельхозугодий — 282887 га, озер — 256, зеркальная площадь — 29924 га. Озера сульфатно-проточного происхождения имеют круглую форму, богаты иловыми глинами. Озеро Соленое (Окунево) — соответствует лечебным грязям. Грязевые месторождения Соленого относятся к первой очень большой группе (1,4), достаточные для организации крупных курортных районов с потребностью более 15 тысяч лечащихся в год. Лечебные грязи озера Соленое могут быть использованы при лечении органов движения, гинекологических заболеваний, заболеваний кожи и т. д.

В районе много глины, болот (140 тыс. га). Климат умеренно континентальный.

До присоединения Сибири к Русскому государству территория района использовалась татарами и скотоводами-кочевниками южных народов тюркской группы. Поэтому до сих пор сохранились названия тюркского языка: с. Уктуз (мелкая соль), Кушлук и др.

Заселение района проходило в три этапа.

Первый. В конце XVII-го века южные области (губернии) заселялись русскими. Первые русские отряды были для защиты русских границ Русского государства. Отряды строили защитные крепости, которые назывались городищами. В 1680 году упоминается городище Орлово — в тридцати километрах от Бердюжья и городище за селом Уктуз. С этого времени начинается земледельческое освоение края. Первые были государственные крестьяне. Они обеспечивали продовольствием служивых людей оборонительных крепостей.

Первые русские в нынешнем Бердюжском районе — это крестьяне из Пермской губернии (XVII век). Они занимались земледелием, скотоводством, ремеслами (обработка железа, переработка кож, изготовление гончарной посуды). Населенные пункты строились группами. Крупные поселения назывались слободами. Село Бердюжье в записях церковных книг 1758—1762 значится слободой. На главной улице (теперь ул. Ленина) размещалась часовня, церковно-приходская школа при часовне. Дьяк обучал нескольких крестьянских детей Закону Божьему, читать, писать, считать.

Второй этап. Восемнадцатый век. Переселенцы из Орловской, Воронежской губерний и других районов России. Много было ссыльных крестьян за участие в Пугачевском восстании. Переселенцы из Тюмени. Были и плановые переселенцы. Нынешняя улица им. Калинина была заселена крестьянами из Тамбовской губернии. Росло число деревень вокруг слободы Бердюжье.

Третий этап. В 1898 году построено здание бursы, где готовились церковные служащие и учителя земских церковно-приходских школ. В Бердюжье формировалась центральная площадь, на которой был храм. На площади ежегодно проводилась всероссийская ярмарка. Называлась она Богородской. Начиная с 20 сентября (Рождество Пресвятой Богородицы), продолжалась несколько дней. Приезжали купцы со всей России, из других стран. Все было на ярмарке — продавали, покупали, праздновали.

На улицах райцентра зимой

Кленовая аллея

В центре села

Новая церковь Рождества Пресвятой Богородицы

МЕЛОЧИ

Все состоит из мелочей:
Моря — из брызг и капель,
Свет дня — из солнечных лучей,
Из нитей — шелк и штапель.
Не сделать сеть без узелков,
Сток сена — без травинков,
Костру не быть без угольков,
И рыбе — без икринок.
Нет без песчинок кирпичей,
Без букв не склеить фразу —
Все состоит из мелочей,
Едва заметных глазу.
Микрон и атом, шаг и миг
Должны быть непременно,
Они всегда во всем, без них
Не может быть Вселенной.

ОХОТНИЧЬЯ ПОРА

Пропел петух. Поспать бы, но — охота!
Плеснув скутую горсть воды в лицо,
Толкаю дверь, впотымах роняю что-то,
И выхожу с двустволкой на крыльцо.
— Возьми меня!

— спросонья кланяет Борька.

— Нет, сын... Болото в десяти верстах.
Иду навстречу августовской зорьке
В давным-давно знакомые места.
А в облаках луна волницей рыщет,
Пролег тропой звериной Млечный путь,
Матерая Медведица ковшищем
Пытается созвездья зачерпнуть.
Возможно, я, голодный и усталый,
Вернусь домой без «пуха и пера»,
Но в том ли дело! Важно, что настала
Чудесная охотничья пора.

ЗОЛОТО

Туча смыла пыль без мыла
И ушла с громовым плачем,
Солнце в воду уронило
Слиток золота горячий.
По воде ко мне, как милость,
Горстью брошенных червонцев
Покатилось и разбилось

Сергей Борисович Борисов человек разнообразных увлечений и талантов. Рисует картины, выгачивает из дерева фигурки зверей и птиц, может выполнить хорошее чучело утки, сороки, вороны... И пишет стихи. И все это делает он по-настоящему талантливо. Однако он человек скромный, не пробивной. Десятки лет публиковался только в районной газете, ни в какие «высокие сферы» литературы не стремился. Несколько лет назад районная администрация издала его небольшую книжку стихов «Подарок».

Участник Великой Отечественной войны Сергей Борисович многие годы трудился в Окунево в совхозной мастерской, охотничал, рыбачил, жил крестьянским трудом. И сейчас, на пенсии, он также неутомим, светел и добр к людям.

Отражение от солнца.
Как прекрасны эти блики,
Что у ног моих забились...
Ветер сердится безликий,
Позолоту сдунуть силась.
Не Нептун ли в волнах зыбких
Против ветра сети тянет,
Золотую ловит рыбку
Золочеными сетями?...
Над моею головою
Солнце в солнечной короне,
А у ног моих живое
Солнце пляшет и не тонет.

Той весной

мы не слышали песен скворцов.
Были песни другие тогда у весны,
Не лежала солдатская к песням душа,
Пели бомбы да танки, да цепки сосны,
Пели пули да мины в солдатских ушах,
Пела смерть по шинелям
и каскам стула.
Мы кричали «Ура!» перекошенным ртом,
Ту весну мы без песен несли на плечах,
А уж петь соловьями

улились — потом...

1 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню в Германии мозглый денек,
Высотку брал взвод поредевший,
За девушку полз жизнь отдать паренек,
За Сталина — полз поседевший...
Еще не забылось, как пули визжат,
Как души в предсмертной ноют.
И мины, как стадо кабанье, визжа,
Меж нами воронки роют.
Как дождь моросит, и песок на зубах,
Как судорогой ноги сводит,
И как матерщина кривится в губах,
Как мало осталось во взводе,
Весна! Нет ни бабочек, нет и грачей,
Порхают в уме похоронки.
Лишь ворон сидит на солдатском плече
И пьет за весну — из воронки.
Но чувствовал каждый: победа близка,
И жить, и вернуться охота!
Все знали, что тропка к победе узка,
И все же ползла пехота.
Тот праздник среди боевого труда
Никто из солдат не заметил..
Высотку мы взяли! Комвзвода тогда
Лишь крестиком карту пометил.

МАША САНИТАРКА

...Она весной погибла в сорок пятом,
Средь бела дня

над ней спустилась ночь.

И плакали суровые солдаты,
Но ей тогда никто не мог помочь.

Она мечтала новый город строить,
Не довелось любить ей, может быть.
Но разве могут девушку-героя
Гвардейцы-ветераны позабыть.

с. Окунево.

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

На плече висит ружьишко,
В рюкзаке лежит зайчишка,
Ходишь, бродишь без дороги,
О пощаде просят ноги.
Через облачное сито
Дождик мелкий моросит,
Будто в красные косынки
Принаряжены осинки.
У берез до самых талей
Кроны в бронзовых медалях.
Словно розы алы никнут —
Всюду гроздьба костяники.
Часовым стоит стожок,
Лес осенний стережет.
Хорошо в лесу осеннем
Отдохнуть в пахучем сене.
Вялишь мокрые портянки,
Скушать, морщась, горсть костянки,
И шагать дорожкой дальней
По березовым медалям.

ТУЧИ

Стрелка у барометра упала.
В грязь увяз последний солнца луч.
Гонит ветер, как пастух бывалый,
Табуны взлохмаченные туч.
Не сдержать их бешеного бега.
Злость у туч клубится и кипит:
С мокрых губ слетает пеной снега,
Комьями летит из-под копыт.

ТА ВЕСНА

Той весной солнце скупо дарило лучи.
Мы ногами тогда хоронили бойцов.
Ту на крыльях весну принесли не грачи,

Татьяна Костенко

ОТТЕПЕЛЬ

Февраль. В природе изменение.
С утра тепло и ветра нет.
И в легкое стихотворение
Хочу вместить простой сюжет.
О том, что оттепель — не чудо,
А подгадали времена:
Тепло небедомо откуда
Нахлынуло. Почти весна!
Обогревает землю нашу —
Родные рощи и поля.
И блики солнечные пляшут
На всех сугробах февраля.

* * *

Мой маленький друг,
деревенская девочка,
Мила и стройна,
словно юная вербочка.
Мы с ней разделили
полнеба, полмира,
Зовут эту славную девочку —
Ира.
Мы с ней собирали цветы
у опушки,
Играли в считалки
с капризной кукушкой,
Мечтали о море
лазурном и нежном,
И Грина читали
мы вечером снежным.
В стране попугаев,
колибри, бочанов,
В стране обезьян
и слонов-великанов
Мечтали мы с ней
побывать не однажды.
Но только случится ли это?
Неважно!
Прекрасен и край наш!
Особенно — осень!
А в лютую зиму
мы солнце попросим
Согреть нашу землю
близкими лучами,
Чтоб снова капели
счастливо звучали...

* * *

И осенний покой на исходе,
И теряют березы красу.
Непрерывно — к ненастной погоде
Собирается морок в лесу.
Это значит, что затишье наступит
Кратковременный день октября,
Ночь холодная длиною будет,
Будет грустной и тусклой зря.
Будет снег на опавшие листья
Падать, близкой зимою грозя,
И придет — изменение в жизни
Непрерывно, иначе нельзя...

Зинаида Замякина

СЕЛЬСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

Снежная буря, жгучий мороз,
Ветер сжимает ресницы до слез.
Дождь ли осенний, зной или снег —
По улице нашей идет человек.
Он свежие вести людям несет,
Он знает заранее, кто чего ждет:
Старая мама ждет весточки сына,
А почтальон проходит все мимо...
С тайной тревогой, как ждали когда-то,
Ждут дорожке письмо от солдата...

Бабушка вышла встречать на крыльцо,
Знать-то, от внука несут письмецо!
Парень навстречу идет, улыбается:
Он от любимой письмо дожидается!..
Снова шагает вперед почтальон,
Кого-то сегодня обрадует он!

ЛИСТАЯ СТАРУЮ КНИЖКУ...

Я старую книжку с внуком смотрю:
«Вот наша страна! — я ему говорю, —
Зовут ее — полини — Советский Союз!»

с. Уктуз.

Который уж раз я заплакать боюсь...
Нет больше на свете великой страны,
Как мы объяснить это внукам должны?!
Сказать, что враги к нам опять приходили
И Родину нашу на части разбили?
Но внуку я прежде всегда говорила,
Что Армия наша — великая сила!..
А вот пионеров шагает отряд,
И галстуки ярко на каждом горят.
У внука вопрос: «Кто такой пионер?»
«А тот, кто в учебе, в работе — пример!»
«Я буду стараться учиться на «пять»,
Меня в пионеры смогут принять?»
И стало мне горько, признаюсь я всем,
Что внук пионером не будет совсем...
И, глядя на бабушку, внучек дивится...
И мне уж не скрыть горьких слез на

рссацах.

с. Окунево.

Виктор Долгушин

НЕ ГАДАЛИ...

Я уйду в раскудрявые дали,
Где народ простодушен, не груб,
Где хлеба под снега не пускали,
Где дымы голосуют из труб.

Лай незлобный дружок и трезоров,
Есть запасы и сена и дров.
Там живет Николай Каргаполов
Да Иван, был он в детстве — Белов.
Там на лоне осенней природы
И им байку из жизни залью.
И припомним мы школьные годы,
И беспечную юность свою...
Но под старость свалилось несчастье,
Все пошло под разруху, вразнос.
И не нужен стал нынечиней власти
Окуневский огромный совхоз.
Ну а мы? Мы свое отпахали!
А на пенсии — дело табак.
Не гадали... И нищими стали.
Неизвестно, что дальше и как?!

ОСЕНЬЮ

У нас ветра не ведают границы
И в наступленью осенью идут.
А выше их торжественные птицы,
Прощаясь с милой родиной, плывут.
Под непогодой старятся бурьяны,
А на полях — остатки молотбы,
Залили лес молочные туманы
И в тучах не просятся грибы.
Поникло все в прохладном огороде
И даже солнце медленней встает.
Тоска по увядающей природе
Стоит в груди и тяжест в сердце льет.
И глянь, уж дни становятся короче.
Опять подходит гиблая пора.
Как холодны октябрьские ночи!
Как надоели мокрые ветра!

г. Ишим — с. Окунево.

Геннадий Сысолятин

СЕЛО ОКУНЕВО

Село поэтов? Да, село поэтов.
Какие в нем частушки пел народ!
Без искрометных озорных куплетов
Не шли к девицам парни в хоровод.
С избраницами в чаще не гуляли
На Троицу, под птичьей перезвон...
С Тамбовом и Кронштадтом в унисон,
С оружием в руках, не восставали...
Не только про мыльников да мотань —
Тут про изгнание и расстрел певалось.
Душа певца к несчастью прикасалась,
И муками платил он музе дань.
И мой отец, на озере Бердюжье
Стихом признался матери мость,
Что против рока бесполезны ружья,
Что об одной он думает — о ней.
И засияла мама, не скрывая
Счастливого волнения своего.
И помертвела мама, собирая
Навек в чужую сторону его.
«Бежал, а мы — вороны...» — холодея,
Услышала слова его врагов.
«О, дикая сибирская Вандея,
Он из ее последних вожakov!»
Я вырос безотцовщиной, не дома,
Без мамы... Но сыновья душа
Осталась с ними... Мне, уже седому,
Все слышится свирель из камыша.
В той дудочке таинственная сила,
Волнующая души и сердца...
Той дудочкой утащила Россия
Взывает к тени моего отца.

с. Окунево — г. Абакан.

СИНЕОЗЕРНЫЙ КРАЙ

За чистейшими стеклами нашей машины мелькают стройные сосны, освещенные солнцем, белые березки, осинки, кусты шиповника, сбигающие к самой обочине дороги. Лето. Жарко. Машину ведет старший брат мужа, Саша, рядом его супруга — Валентина. Саша, как всегда, элегантно одет: темно-синий костюм, белоснежная рубашка и под цвет костюма галстук. Он очень умелый водитель. Все мы пока молчим. Каждый думает свою думу. Мы едем к родителям в село Окунево, расположенное между двух голубых озер. Одним словом, мы едем в бердюжские края.

Природа этих мест неброская, но меня всегда почему-то волнуют здесь вечерние зори, лунные дорожки на озерах, крики журавлей в небе. Трудно живут люди на этой земле. Все выращивается и добывается трудом. Но народ привязан к этому озерному краю. Отсюда сотни молодых мужчин уходили на фронт защищать и эту малую родину.

— Ой, смотрите, какая крупная птица стоит у самого берега! — восклицаю я.

— Да это цапля, — снисходительно отвечают мне.

Я впервые вижу эту птицу. Ее силуэт выделяется на фоне оранжевого заката. Мы едем дальше. Мы спешим в Окунево. А в окне машины то и дело мелькает синяя водная гладь. Озера, озера... Соленые и пресные украшают эту землю. Однажды я летела в Бердюжье на самолете. И от нечего делать стала смотреть в иллюминатор. За каких-то пять минут насчитала тридцать шесть озер. Да, чудный край!

Наступает вечер. Вот и Бердюжье, село сверкает огнями, улицы освещены, но нам надо в Окунево. Там нас ждут, родители ждут сыновей — Сашу и Николая...

Однажды отец Василий Ермилович разговорился о своих детях. С гордостью он о них рассказывал.

— Вот смотри, Маша, Саша закончил сельхозинститут. Работал несколько лет в деревне, я думал, что так и будет на земле трудиться, но уехал в Тюмень... Петя — младший сын, на Байконуре служил старшиной подразделения, окончил машиностроительный техникум. Тоже работает в Тюмени. А Коля —

писатель. Его книги в Окунево читают...

Старший сын Григорий не получил хорошего образования, помешала война. Но он мастер на все руки. Отлично шьет шапки, унты, может сложить любую печь, построить и украсить резьбой дом. А после войны водил паровозы и любил эту работу. Вырастил он со своей женой Зинаидой Афанасьевной двух замечательных сыновей — справедливых и добрых — Валеру и Володю. И главное — кого ни возьми, все гармонисты!

...Наша машина едет по гладкой асфальтированной дороге. Включенные фары освещают длинными полосами наш путь. То и дело ежики перебегают дорогу. Мы приближаемся к селу. А мне опять вспоминается, как я с мужем приехала однажды в Окунево летом. Летние ночи короткие и светлые, и уже перед рассветом утренняя зорька расплывает свои длинные крылья. Она красуется над дальним лесом, отражается в озере, что плещется прямо за огородом.

Отец уходит на рыбалку очень рано, когда все еще спят. Рыбак он заядлый, предки его пришли в Сибирь из Поморья, гены сказываются. Хорошо орудует левой рукой, правой, перебитой на войне, только помогает. Под Ростовом, в сорок втором, немецкая разрывная пуля ударила чуть ниже плеча. Вытащила его с поля боя молодая санитарка, которую он всю жизнь вспоминал с благодарностью. И была у отца, наверное, поэтому любимая песня, в которой такие слова:

Мне столетьем
казались минуты,
Шел по-прежнему
яростный бой.

Медсестра дорогая Анюта Подползала,
прошептала: «Живой!»

Когда отец в застолье после второй-третьей рюмки запевал эту песню, мы все плакали... У него был удивительно красивый и чистый голос, и подростком он пел в церковном хоре. А потом стал ярым и неутомимым комсомольцем. Первым записался со своей Катериной Николаевной в колхоз, в деревне Полднево они тогда жили. Отвели в колхоз единственную свою кобылу, доставшуюся им, как приданое на свадьбу. От этой Буланухи пошло потом и все колхозное стадо.

В армии служил еще до войны, на острове Даманский, на китайской границе. Был ротным писарем, так как умел писать очень красивым каллиграфическим почерком. После службы уехал со своей Катей и сыном Гришей строить Магнитку, потом медеплавильный завод в Кировграде. Там и родился Саша — любимец матери и всех нас...

В машине тихо, темно, прохладно. И опять воспоминания нахлынули.

...Выхожу во двор, иду по огороду к озеру, чтоб освежиться. К мосткам подходит лодка, в ней отец и его верный страж — Тарзан — огромная овчарка, по виду страшный, а на самом деле добрый, своих помнит и узнает сразу. Тарзан спокойно сидит в лодке. А на мостках терпеливо их ждет большой серый кот, черные полоски украшают его блестящую шкурку.

Отец выносит на берег сети, весло, тычки, потом поднимает целое ведро плещущихся живых карасей, выбирает самого

крупного и кидает коту. Тот аккуратно берет рыбу своими острыми зубами и идет по тропинке. Карась выгнулся так, что его хвост упирается в щеку кота, но он на это не обращает внимания. За котом по картофельной меже идет отец, а за ними, не нарушая порядка, шагает Тарзан.

— Маша, почисти карасей, — говорит отец и ставит передо мной на скамейку большой таз с карасями. А они все живые, плещутся в озерной воде, их чешуя сверкает на солнце. А тут еще куры сбегались в ожидании карасых пузырей и кишок.

Я понимаю, меня хотят испытать, ведь я никогда не чистила живую рыбу, думаю я, держа в руке нож. Беру первого попавшегося карася, он скользкий, большой, прохладный и начинаю осторожно снимать чешую. Чувствую, как он весь дрожит под рукой, но вот вытащила кишки, бросила их курам, они их моментально проглотили, а карась неожиданно вывернулся из-под руки, упал чуть не на куриные головы и «пошлепал» по пыли и щепкам. Куры кинулись в разные стороны, а я вскрикнула. Выбежал на крыльцо отец:

— Что случилось?

— Да вот карась побегал от меня, — говорю виновато я.

— Фу, ты, напугала, думал руку порезала, — сочувственно говорит отец.

Ко мне (как мне тогда казалось) он относился с большой нежностью, так как я буду учительницей. А жениться на учительнице было его мечтой в дальней юности. Не вышло. Женился на деревенской синеглазой девушке Кате, прожил с ней больше пятидесяти лет и всегда с нежностью писал о ней в письмах.

...Фары машины то и дело освещают придорожные кусты, деревья, цветы, но вот неожиданно показались огни села. Скоро будем дома. Асфальт кончился. Машина медленно въезжает в первую улицу, освещая заборы, дома. Ленивым лаем встречают нас уже полусонные собаки. Приехали. На крыльцо выходят отец и мать. Они нас ждали. Они рады нам, а мы им.

Мария Денисова.

Александр Шестаков

НИЗКИЙ ПОКЛОН ТЕБЕ, МАЛАЯ РОДИНА

«ОН СМЕРТЕЛЬНО УБИТ»...

«Здравствуйте, жена Шестакова Евгения Ивановича. Ваших два письма получили, но очень жаль, что их не может читать Ваш муж Евгений. В боях за Родину с немецким фашизмом вашего мужа Евгения постигло большое несчастье, он смертельно убит. Его вечная память будет жить в наших сердцах. В нашем подразделении он был лучшим другом и товарищем. В боях за Родину он отличился как один из преданных сынов. Дорогая жена Евгения Ивановича, не грусти особенно по мужу. За его смерть мы отомстим немецким оккупантам, и наша Родина, за которую дрался Ваш муж, будет такой же счастливой и радостной, как была. Командир. Мл. лейтенант Пронькин. Сержант Копотилов. 24.10.41. Действующая армия».

Письмо это написано через восемнадцать дней после гибели отца. Потом жуткая весть неспешно шла к нам от Западной Двины до Тюменско-Бердюжского Мишино. Папы уже давно не было на свете, а мама все отправляла и отправляла на фронт безответные треугольнички. И вдруг...

Дом наш стал первым в деревне, в который ворвалось страшное горе от войны. И стар и млад, перепуганные известием, вмиг сбежали в нашу тесную избенку. Старики чадили самокрутками, нахмуренные сурово молчали. Притихшие ребятишки оторопело жались в колени бабушек. Женщины в глубокой печали, в густых слезах робко пытались успокаивать причитающую, самую первую, двадцатидвухлетнюю деревенскую вдову. «Ошибка, может быть, Варя, — гладыли черную косыночку мамы. — Похоронки-то ведь, Варюшенька, нет. А письмо — не казенная бумага с печатями».

Я тоже всеми силенками цеплялся за голоса не верящих в гибель отца. Беззвучно рыдал в темном углу полатей, проклиная зверя-немчуру и часами размышлял о папе.

...Будто вчера, провожая солдат новобранцев, все Мишино многолюдно гуляло в переполненной горнице деда Леонтия. Отец заодно играл на голосистой двухрядке, задухебно выводил проголосные песни, четко «дробил» в азартной пляске. Но время от времени подбегал ко мне, поднимал меня над нарядным сундучным ковриком, потом нежно садил на свои раз-

горяченные колени и торопливо шептал: «Как без меня будешь, Саня. Слушай маму Варю. Я обязательно к вам, Саня, вернусь»...

Не вернулся. Мы все время не переставали надеяться на ошибку. Эту шаткую надежду нашу подогревали односельчане, рассказывая то об одном, то о другом невероятном воскрешении фронтовика, о котором к его родным приходила не одна похоронка. В редкие минуты отдыха мама гадала на гладкобоких вороных бобах и сквозь слезы твердила нам: «Живой, по бам, живой, вроде». После таких обнадеживающих слов я плотно закручивался в теплые отцовские тулупы на высоких полатях и с комком в горле вспоминал. В воображениях моих отец всегда рисовался нежным и веселым, энергичным и звонкоголосым, общительным и храбрым. Вспоминались самые будничные картинки жизни. Вот он, строго подтянутый и голосистый, стремительным шагом мчит к очередному сельскому подворью с утренним бригадирским нарядом. Стучит в окно однофамилицы Евдиньи Филипповны:

— На склад, к веялке, сегодня, труженица моя.

— Евгенишка, милый, я седня похварать собралась.

— Не выдумывай, Евдинья. Нам седня без тебя на складе никак нельзя.

— Да что там такое горит-то, скажи?

— Хлебушко, Филипповна, в воюхах загореть может. Идешь, значит?

— Иду. Куда от тебя денешься. Вон каким пожаром оглушил. Как не пойти. С болячками денек помешкаю. Со стирками тоже погожу.

— Молодец, ударница ты наша! До встречи на складе!

И бодро-звонким колокольчиком полетел с нарядом к соседнему окошку.

ДВЕ ВОЛИ СТОЛКНУЛИСЬ

А вот он, цепкий и бесстрашный, обучает мускулистого строптивного жеребчика. Сильный, свободолюбивый конь не желает расставаться со стригунковой беззаботушкой. Две воли столкнулись упруго — упорство человека и упрямство лошади. Буланный резко мотается в стороны, высоко взбрыкивает задними копытами, молнией взлетает на дыбы, пытается сбро-

сить со спины нежеланного верхового. Но тот чудом удерживается, опять взмахивает поводом уздечки, опять отрывисто-твердо командует: «Вперед!» Лошадка продолжает упрямяться, не сдаётся. Низко приседает на дрожащие ноги и как-то неестественно зигзагами пятится. Пятится навстречу жарко дышащему, нетерпеливо мычащему деревенскому стаду с грузными выменами. У бородастого высокоролого пастуха Перфилия длиннущий, взрывно щелкающий кнут-уштрашитель, свободно достающий недисциплинированное животное на расстоянии метров в десять. Кто-то из активных болельщиков, любопытствующих уличных зевак, озаренный неожиданной мыслью, жестикулирует руками и орет Перфилию:

— Огрей сзади коня-неслуха! Огрей шибче!

Перфилий, не раздумывая, огрел. Необъезженный конь птицей стрельнул к раскидистой сирени палисадника счетовода Иллариона Егоровича. Отец, описав дугу над крупом взбешенного коня, камнем рухнул в зеленень муравы. Мы, онемевшие от страха, не успели опомниться, а юркий наездник уже опять на мокрой от пота спине красавца-жеребчика со своим прежним приказом: «Вперед!» Обучаемый все равно не подчинялся. Тогда отец сам попросил Перфилия повторить размах кнутом. А человека, готового к новому шальному взлету неукротенного коня, уронить на землю было уже невозможно. Упрямо четвероногое, покурлесив еще с полчаса, смирилось с судьбой, послушно пошло вперед... Пошло.

А ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

Не представляю отца унылым, удрученным. Но как-то однажды видел грустноватый эпизод. Задумчиво-

мрачный отец стоит напротив лавки, устремив невидящий взгляд куда-то мимо дома Артема Почкаева. Стоит, молчит и курит. Странно. Таким, тяжело вздыхающим с дымным мунштуком в губах, я не привык его видеть. Но страннее получилось другое. Отец, наверное, с какой-то тяжелой думой рассеянно смотрит в даль, в сторону заросшего камышом озера, а я не могу сдержать смех, глядя на то же озеро, на тот же, противоположный нашему, дом переселенцев-белорусов. И вспоминаю недавний взрослый рассказ Семена Савельевича о первом хозяине этой усадьбы, о зажиточном Козлачкове, который залег на ночь между огуречных гряд в надежде сохранить урожай от набегов озорных мальчишек. А мой родной дядя Коля, тогдашний пострел и пройдоха, впотьмах вскарабкался на высоченную изгородь и со всего маху прыгнул в огород, точнехонько на пухлый живот задремавшего сторожа. Вообрази-ка попробуй себе такую уморительную ситуацию с жутко перепуганными, корчащимися от боли ворюшкой и стражем. Обхохочешься. И я не сдержался, неуместно громко прыснул, зажав рот ладонью. Отец спокойно повернулся в мою сторону. Глаза влажные, обеспокоенные, а говорит без дрожи в голосе, тепло, по-отчески: «Хохочи, сынок, если смешинка случилась... Кто знает, что завтра...

А завтра была война. Этот безжалостный всполох смертельно обжег маленькую нашу деревеньку. В ней тридцать два дома стояло. Двадцать восемь здешних семей осиротели. Пали от меча, не вернулись к оралу тринадцать Шестаковых, только одних Шестаковых. С трепетом сердца среди павших в Великую Отечественную называю папу Евгения Ивановича, его односельчан-однофамильцев Ефима Филипповича, Ивана Николаевича, Ивана Павловича, Михаила Аверьяновича, Михаила Алексеича, Михаила Петровича, Николая Андреевича, Николая Михайловича, Николая Николаевича, Петра Ефимовича, Филиппа Григорьевича, Филиппа Матвеевича. Не удержусь, прибавлю к этому печальному списку четверых Шестаковых, ушедших на войну из соседнего Армизонского района. Это, похоже, братья Кондратьевичи — Григорий, Алексей, Василий, Иван, пропавшие без вести, вероятные родственники или знакомые мишенских Шестаковых, внесенные в областную траурную книгу «Память».

А Мишино еще потеряло пятерых Семибратовых — Афанасия Михайловича, Дмитрия Степановича, Леонтия Васильевича, Михаила Ивановича, Петра Никифоровича. Сложили головы

на полях сражений четверо Горловых — Алексей Александрович, Егор Афанасьевич, Михаил Алексеич, Николай Назарович. Погибли двое красноармейцев Уросовых — Алексей Варфаламеевич, Прокопий Иванович. Убит на псковских рубежах девятнадцатилетний Николай Артемьевич Почкаев. Сражены на поле брани Михаил Андреевич Семенов, Федор Васильевич Федоров, Прокопий Яковлевич Смирнов, Степан Алексеич Тюменцев... Склоним головы перед этими именами. Будем их помнить вечно. Помолчим по минутке за каждого. Пусть для этого потребуются длинные полчаса. Молчим, скорбя. За нас ведь с вами они отдали жизнь. Нас ведь с вами они хотели видеть честными, трудолюбивыми, здоровыми, красивыми, грамотными.

Я, кстати, в школу к первой учительнице Устиньи Тарасовне пошел раньше положенного. Пошел за моим другом Генкой Шестаковым. Старшим на годок. Сел с ним рядышком за парту, слушал уроки, выполнял несложные задания. Да так засиделся в школе, что выдворить «добровольца» стало совсем невозможно. Родители и педагогша уступили: не мешает. Но я не стал празднично присутствовать, принялся за дело. Все шло гладко до того самого трагического дня, в который ворвалось к нам известие о гибели отца. Пал духом, расклеился. В незрелой головке паника: папки нет — учиться ни к чему. Бросил школу. Только через год всколыхнул меня все тот же верный мой однофамилец Генка. Он собрался в Пегановскую семилетку — и я за ним хвостиком. Он выпросился квартировать у тети Анастасии Михайловны — и я к ней же подался. Приветлива была эта женщина и лиха хлебнула вдоволь. Муж ее солдат Иван Шестаков тоже погиб в окопах. А в двух мини-комнатных ютились тетя с дочками Тоней и Томой, мы с Генкой и пятерка мишенских чумазых трактористов, почти всю зиму ремонтирующих старенькие эмтэсовские машины. Теснота невероятная, но жили без конфликтов.

Нет, об одном маленьком рассказу. У нас с Генкой было два одинаковых полуторалитровых чугуночка, в которых мы по очереди варили картошку в мундире. В тесную печурку можно было впахнуть только одну такую посудину. Мне надоело все время быть вторым. Однажды поменял местами наши чумазые горшочки с намытой картошкой. Приятель не заметил подвоха, сварил мою порцию и собрался ужинать. Тут я заявил о его ошибке и о том, что по справедливости моему чугуночку иногда тоже надо бы быть первоочередным. Рассерженный Генка про справедливость раз-

Е. И. Шестаков

мышлять не стал, сгреб сушившийся тяжелый валенок, запустил им в меня. Но попал в окно. За разбитое дефицитное стекло нам конечно здорово влетело. Зато с очередью на варку у нас потом все тихонечко наладилось.

После семилетки Генка мой навестился в Ишимское педагогическое училище, и я не отстал от него. В срок восьмом сдал очень трудные для меня экзамены туда же. Только дипломированными учителями мы с ним проработали считанные месяцы. Я ударился в журналистику, осилив Уральский государственный университет. Он занялся адвокатством, окончив Свердловский юринститут. А ведь этот рассудительный мальчишка с серьезным лицом предрекал когда-то мне или техническое, или спортивное будущее. Шутил, как выяснилось.

ИЗОБРЕЛ ИЗОБРЕТЕННОЕ

Шутник Генка карьере технаря пообещал мне сразу, как только увидел сконструированный мною трехколесный самокат-велосипед. О, это было событие в нашем ребячьем сообществе. Конструкторские муки мои начались с обнаруженных на запыленном чердаке забытых прялок с точеными деревянными колесами. Комбайновые зубчатые шестеренки и цепь-гала извлечены из ржавых завалов колхозной техники. Проблемы возникли с выковкой педали. Не было ни капельки времени сбегать к подручному кузнецу, молотобойцу Тольке Аринину. Это, уточню, не его фамилия. Ариной звали его маму. Меня ведь тоже не по фамилии вся деревня величала, Санькой Евгеньевым звали, а Шурку Уросова — Шуркой Ульяниным, а Тольку Горлова — Толькой Марфиным, а Ленку Шестакова — Ленкой Федориным.

Сегодняшний «разгруженный» подросток может усомниться в моей искренности, прочитав: «не было ни ка-

пельки времени». Война-злодейка отобрала у нас детство. Мы, маленькие мужички, остались «главами» домов с мамами и стариками. Десятилетний с бабулей Ефросиньей Степановой я уже ухаживал за огородом и скотиной домашней, косил сено, рубил дрова. Десятилетнему мне уже доверяли починить изгородь, валенки подшить. Мог карася-гальяна изловить собственноручно сплетенной ивовой «мордой» или утку добыть на плавучих озерных лбызнах сохранившимся до военным крысиным капканом. Нам поручалось для зимнего стола заготовка полевой ягоды, гриба лесного. В день ведро — и не меньше. Мы же еще помогали мамам на колхозных пашнях и сенокосах. А весеннее поле боронить приходилось даже на собственной буренке. Моя измученная Зорька пластом падала в борозду, а я садился с ней рядом, умоляюще заглядывал в ее глаза, казалось, похожие на мамыны, и ревел навзрыд. Бригадир, раненый отставник Андрей Семенов, бурей налетал на нас с Зорькой, злюще матерился, мочалил толстенную вицу о выпирающие ребра коровы. Но та встать не могла, и я не мог остановиться со слезами. Ведь от избитой, изработанной, толком не кормленной доенушки, вечером мы будем надеяться получить молочка.

Тут, наверное, будет уместно перекинуть мостик к дню сегодняшнему. Вот я, тот давний мужичок с ноготок, став пенсионером, решил оформить справку о моем детском трудовом стаже в военные сорок третий, сорок четвертый года. Факт этот засвидетельствовали под официальной присягой односельчане Ульяна Никифорова Уросова, Николай Никонорович Шестаков. Есть справка Пегановской сельадминистрации с круглой печатью и росписями столоначальников, констатирующая, что в эти года «работа детей отдельно в нарядах не записывалась, их трудовни-палочки плюсовались к трудовням матерей-колхозниц». А вот руководство СПК «Кировский», во владения которого после разгрома «неперспективного» Мишино переданы его земля и люди, настойчиво толдычит о несохранившихся ни в каких архивах расчетно-платежных ведомостях, о том, что «по документам Шестаков А. Е. не значится», что стаж «подтвердить не предоставляется возможным». И в Ленинском окружном комитете соцзащиты «разъяснили»: тридцать первому году, согласно имеющегося циркуляра, без всяких свидетелей и справок, утверждаем трудовой фронт, тридцать второму — извините. Вот так. Хотя двенадцатилетние и одиннадцатилетние дети войны работали в колхозе вместе. Да Бог с ними, с законописателями и с

«защитниками» прав пенсионерских. Бог им судья. А мы, однако, вернемся к теме полегче, к моему уникальному велосипеду-самоделке.

Я постоянно просил бабушку отпустить меня в кузницу. Та разрешала, но с условием, что сначала оучу, скажем, свою сотку картофельную. Справишься с заданием — беги к своему кузнецу. Словом, нужную мне деталь все же удалось выковать. Аппарат собран. К торжественному выезду собралась толпа сверстников. Но пробный рейс не получился. Даже при черепашей скорости, конструктивно не сбалансированная, машина опрокидывалась назад. Скопфуженный я то и дело грохался в дорожную пыль, а мальчишки до упаду хохотали, хватаясь за животики. Потом попеременно сами гнездились на мой тарантас, но тоже непременно опрокидывались на спину, притворно стонали и опять дружно хохотали. Я же, раздосадованный до предела, еле сдерживал слезы.

СПОРТА ТОЖЕ НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ

Его в моем будущем тот самый Генка прогнозировал, потешаясь надомной и Аркашкой Горловым, когда мы неудачно сиганули с высоченной снежной горы на лыжах с обломанными пятками. Кто-то нафтазировал нам про искусных, отчаянных японских трамплинщиков. И мы с Аркашей без раздумий и без разбега, из положения «стоя», прыгнули в бездну обрыва. Моя беспяточная правая лыжина, не оперевшись на кромку снежной тверди, вздыбилась вертикально, и я горлом напоролся на ее острый носок. Хлынула кровь. Мой друг-«медбрат» зажал рану потрепанной грязной рукавицей, сыромятным лыжным ремнем примотал эту стерильность к моей бедовой головушке. И поплелись мы, страдальцы, «сдаваться» домашним. Перепуганная мама с бабушкой потащили меня в единственную в деревне «скорую помощь», к глухому дедуле Аверьяну. Он лечил буквально все Мишино одними и теми же кислющими квасцами, малиновой марганцовкой, древесными угольками, нашептанный водицей и горячим мясом воробышка. Помогало. Верили поголовно лекарю-непрофессионалу с его народной медициной.

Только после войны появилась замена деду Аверьяну, в деревне открыли скромный фельдшерский пункт. Уголок магазинчика организовала в своем доме вдова, Генкина мама. В деревне заработал крохотный клубик, библиотечка. Радио появилось. Электричество дали. Но в семидесятых село хлестанул новый реформаторский девятый вал укрупнителей агропроизводств. Маленький бывший

колхоз «Прогресс» стал фермой большого совхоза «Кировский». Реорганизация, мягко говоря, не оказалась продуктивной. Деревенька-ферма немудилом рассыпалась. Хирело хлеборобство, никло животноводство, завалились подгнившие столбы радио, потухла электролампочка, перестали жить точки культурно-бытового назначения. Возродить, восстановить все это мудрецов не находилось, немудрецы же зацепились за спасительную соломинку, обьявив такие деревни неперспективными. Их позволялось рушить до основания. Стерли с лица земли уютное вековое Мишино. То же самое сотворили с Урюковым, с Савинкой и другими подобными нашими малыми родинами.

Каждый кулик, утверждает народная мудрость, свое болото хвалит. Но согласитесь, точку для закладки моей деревни выбирал бесспорно умный мужик. С фамилией, по местной легенде, Мишин. С трех сторон населенный пункт заслоняли лесные массивы, с южной стороны плескалось рыбное озеро. Земли вокруг плодородные, сенокосы богатые, выпаса привольные. Ягод, грибов всяких вдоволь. Стояла деревенька на взгорочке. Имела добротные, тесом крытые дома, рубленые из кражистых не подсосенных сосен, даставленных на лошадушках аж из Юргинских лесосек. Карнизы многих крестовиков украшены были деревянной резьбой, ставни расписаны кружевными мотивами. На нашем, например, доме по ставням изображены были миролюбивые голубочки.

Все же не зря, наверное, мишенских безобидно называли большеголовыми. Думать умели. Голову держали, похоже, не только для ношения картузов с жесткими козырьками. Мой дед Терентий, сказывают, жадниющий был на работу. Затеял целину возле рямочка поднять. Сам сутками с поля не уходил и семье прохладяться не позволял. Пашенку, как невестушку, холил-ласкал. И пашенка отозвалась отменным урожаем. И на семена с лихвой засыпал, и на еду достаточно оставил. Излишки зерна продал, купив на вырученное трактор. Сына Ивана и моего шустрого, уже известного вам, дорогой читатель, дядю Колю за руль этого заморского Фордзона посадил. Местные бедолаги-лежебоки, пряча зависть, язвили: «Тереха-то спятил от жадности. Железяку вонючую завел. Карасином, как есть, все пашни угадит. Хлеб душиным сделал. Кто его вонючу пашаницу жрать будет»...

А деловой дед с проворным трактором свою работу досрочно переделает и в соседние Полое, Крашенево, Логашкино с «Фордзоном» подрядится. Бойко шли у него дела. Надо сказать, что и у этих Чукуревых, у этих

крестьян-трудооголиков, в котором новые советские хозяева, вышвырнув семью деда, школу разместили, был самым красивым в деревне. Высокие потолки, веселые арочные окна. Крыльцо в просторных сенях ступенек на пятнадцать. Хозяин дома, говаривали старожилы, не лихацкого, не куражливого был нрава, но на спор по этому многоступенчатому маршу верхом на коне в горницу въезжал.

Трудилась, короче, семья до

Е. И. Шестаков (второй справа во втором ряду)
с группой колхозников.

седьмого пота на родной пашенке, никаких батраков не держала, но все равно угодила под молох раскулачивания. Злыдни, не знающие мозолей землепашца, завладели карающим мечом и принялись решать судьбу истинных тружеников земли. Деда с семьей посадили в чужую повозку, дали в дорогу топор с лопатой да сухарей котомку и увезли их, обобранных, униженных, бесправных, куда-то в далекие дебри-урманы в стороне Ханты-Мансийской. Всех, почти всех умеющих работать на пашне, выдворили из Мишино. К слову, эти изгнанные из родных гнезд трудяги не упали духом, не опустили беспомощно руки. Многие из них энергично принялись за работу на необустроенных местах, заново и неплохо организовали свой быт. Раскорчеванная тайга помогла брошенным на погибель. Выстояли. И детей своих эти изгои воспитали не на дрожжах вражды-мщеница за честь их поруганную, а на уважение к Руси-матушке. Видел я с каким иконостасом на груди пришел с Великой Отечественной Николай Чукарев, один из отпрысков раскулаченного деда.

ПРО ГЕКТАРЫ ЗЕМЛИ ОСИРОТЕЛОЙ

Помню, на наших ухоженных увалах босая нога, как в пух, тонула. А сейчас? Больно видеть на гребнях пахоты пласты вывороченной глины. Увалы эти когда-то хлебородные, ныне утрамбованы до структуры асфальта. В сапогах по колдобинам, похабно обработанных массивов, не

проберешься, ноги выворачивает. А все не потому ли, что к угожьям этим сегодня наезжает чужой человек издалека. Не местный он, не коренной, не влюбленный в эти гектары земли-кормилицы.

Теперь пашня бывшего Мишино передана вроде бы фермеру. Предполагается конец обезличке, за гуж взялся вроде бы желающий и умеющий работать. А что изменилось? Без изначального капитала не по силам ему начать благополучную борозду.

Бледны дела фермера, не вышел пока из него хозяин рачительный. Сошлюсь на маленький эпизод. Пробрался однажды я по бездорожью в родную сторонку в Пантюшихино колке могилкам предков поклониться. А многих святых моих уже в помине нет. Больше шестидесяти лет на уголке этого погоста бугрился холмик мамы, родной Таисьи Терентьевны. На другом уголке под старым крестом покоилась моя неродная бабушка Ефросинья Степановна. Тут же схоронены скончавшиеся в детстве мой братик Вася и сестренка Галя. Тут много усопших знакомых мне односельчан. У сегодняшнего, видимо, холдноглазого тракториста, взгромоздившегося за штурвал великана «Кировца», не бывает ностальгических эмоций, не щемит под ложечкой, когда проезжает около погребений земляков. Неповоротливым лемехом перепахал все бугорки старых могил, повыворочал кресты на углах территории покойных. Оно и понятно, угробив деревню живых, разве трудно ликвидировать деревню мертвых.

А печальный Пантюшихин навеял еще одно воспоминание времен войны. Недалеко от этого колка мы с Аркашей Горловым, с которым «по-японски» прыгали с горы, перетрясали старую обмолоченную солому, надеясь в мякине добыть зернышко. Устав от безрезультатной работы, до тошноты захотели есть. А есть нечего. Тогда мы достали из гнезда трех верещащих пузатеньких воронят, поджарили их на спешном острере и мигом проглотили. Долго сидели молча, не смотрели друг другу в глаза, нервно ковыряли палками затухающий пепел. Стыдно было нам за такую мерзкую нашу слабость. Твердо поклялись, что никогда больше этого делать не будем, что никому об этом нашем позоре не расскажем. Полвека хранил я эту детскую клятву про тайну с птенчиками. Да простит меня нынешний абатчанин-электрик, тоже

уже пенсионер, если я первый не сдержал слово...

СПАСИБО РОДНОЙ МАЧЕХЕ

Всем известно, что в суровые годы войны у детства не было сладкой жизни. Материнские руки как могли оберегали нас от ранних невзгод и потрясений. А у меня была мачеха. И, скажу честно, ласкала она меня даже чаще, чем своего родного сынульку Толю. Мне же, наверное, единственному раз она крикнула обидные слова.

Работал я погонщиком лошадей на косовице ржи в экипаже моей однофамилицы, работящей, вспыльчивой Анастасии Яковлевны. Что-то не заладилось у меня с непослушными лошадьми, жнейка-лобогрейка остановилась. И меня, испуганного и беспомощного, тетя Тюня в сердцах обозвала очень обидно. Поэтому на следующее утро я не пошел на луг ловить лошадей. Мама уговаривала меня долго. «Понимаю, тебе обидно, — соглашалась она со мной. — Но за твой выход нас накажут, трудодни с нас снимут. А если в конце года не дотянем до минимума трудодней, нас опять накажут, ни зернинки хлеба не дадут да еще в суд дело отправят. Иди, сынок, лови коней». Но я уперся. «Тетя Тюня злая, обзывает меня. Не пойду». «Пойдешь!» — с металлом в голосе выкрикнула мама. «Ни за что!» — визгливо взвыл я, убегая со двора. Тут мама не сдержалась и больно швырнула в меня уздечками. Я, как ошпаренный, остолбенел, быстро поднял их и сникший медленно поплелся к лугу. Мне стало жаль и себя, и маму тоже.

Ведь она от зари до зари не знает покоя. Ведь это ее, бездыханную, находили в степной лютой стуже около обессилевшей заблудившейся лошададки. Она перенесла угрозу обыска и ареста за полгорсточку зерна. И унижали ее, бывало, и обижали ни за что. Терпела, не вязывалась в драку-склоку. Спокойная и работящая, она будто навеки поклялась мужу: прилежно трудиться, поднимать сыновей, быть достойным человеком, не встраивать в мелузговые перепалки. Она, похоже, всю жизнь помнила фронтовые строчки мужа: «Я, Варя, Вас предупреждаю, ни с кем не связывайся, ни с кем не ругайся. Хотя я знаю, что будут к тебе лезть назло. Находятся люди. Но не связывайся, лучше промолчи, перенеси на своем сердце».

Лихое время многим кромсало души, леденило глаза. Мама устояла. А когда одна говорливая старушка разболтала мне о родительском секрете, впервые нащепав о Варваре-мачехе, о смерти моей мамы Таисьи, я всей детс-

кой душенькой почему-то возненавидел этого непрощенного информатора. Грех сознаться, но даже ни капельки не пожалел несчастную эту старушечку, когда она в известные смутные времена попала за решетку. Сидели с товаркой-говоруньей, удивлялась деревня, вдвоем на солнечной завалинке, кастерили антихриста Сталина. Но кто-то третий подслушал, заложил. От нее же, между прочим, задолго до Великой Отечественной я впервые услышал: война будет.

В ОДИН ИЗ СОЛНЕЧНЫХ ДНЕЙ

На общелюдскую тему о войне деревня бурно говорила особенно в начале сорок первого. Достаточно встретиться паре собеседников, и предположения, прогнозы возникали самые безрадостные. В тревожных разговорах слышалось успокоительное: «Договор ведь... Пакт же... Неужели разорвут? Не должны»...

Но в один из летних солнечных дней Мишино загудело испуганнее. Виною всему этому оказался обычный волк. Трудно представить, но в обеденное время из нашего проулка, от покосившейся бескрылой мельницы, в центр улицы безбоязненно вышел матерый волчище. Одинокий, неторопливый, страшный, он вызывающе спокойно вышагивал уличным тележным следом, игнорируя окружающих. Ошарашенные собачонки, твякнув, от страха ныряли в подворотни. Мы, гурьба ребятшек, в ограде Борьки Шестакова облепили свеженарубленные березовые жерди, сдирали с них бересто, битыми стеклышками сочили сахаристый сок, жевали пенку зеленоватой коры. Хозяин двора Николай Михайлович рубил ряж новой стайки. Разноголосый, панический лай псов насторожил нас. Выскочили в улицу и остолбенели. Опомнившись, загалдели, засвистели, забренчали кто чем мог. Но серый богатырь и глазом не моргнул. Продолжал важнехонько шествовать по деревенской полянке. К нашему голосистому табунку уже присоединились двое взрослых с топором и лопатой в руках. Кто-то горланил во весь дух: «Ружье! Ружье бы!» Но где, у кого возьмешь это ружье, если все трудоспособное мужское население Мишино на дальних покосах. Зверь будто знал, что выстрел ему не грозит. Мы, не сговариваясь, перегородили волку улицу. Он недовольно взъерошил гриву, зачакал оскаленными зубами, вяло повернул в проулок деда Трофима и скрылся в невысоких нижеуваляских кустиках.

Долго судила-рядила деревня про нахального волка, а в конце концов суеверно подытожила: «Худой знак... Быть беде».

Не по таким, конечно, знакам вспыхивают войны. Но волк-фашист все же вломился в наши владения, это нашестие втянуло в колесо-мясорубку почти всех мужчин моей де-

ревеньки. И мы, дети солдат, уже пели задушевную лирическую «Катюшу» как строевой патриотический марш:

«Пусть все знают
русскую «Катюшу»,
Пусть все слышат, как она поет.
Из врагов вытряхивает душу,
А бойцам отваги придает».

И я мизерными огрызочками цветных карандашей рисовал вихревую самолетно-танковую красноармейскую атаку, красно-боевое полотнище наступающих, красивого усатого богатыря Сталина и жалкого узколобого карлика Гитлера. Мы, пацаны, верили в победу наших пап, наших братьев-фронтовиков.

И ПОБЕДА ПРИШЛА

Пеганово, где я учился в тот май сорок пятого, о ней уже знало, а с Мишино связи никакой. Поэтому я в своих парусиново-деревянных колодках часа за полтора преодолел двенадцать километров до деревни и был уверен, что первый принес ей долгожданную весточку. Объятия, смех, слезы, возгласы «Ура». А мне горько-прегорько: вернется ли папа, жив ли он? После победных ликований-салютов мы еще долго ждали отца, на тысячу раз перечитывали его письма. Теперь этим бледненьким тетрадным листочкам уже к шестидесяти. Потухли от времени. А мне все жаль расстаться с этим достоянием. Не могу в архив его передать.

Письма отца убедительно рисуют его личность. Он по ремеслу крестьянин, по характеру, видно, человек не воинственный. Он, с ликбезовской грамотой, оказался в ратном пекле, оторванным от земли, от семьи. И совсем не удивительно, что в письмах отцовских совсем почти нет «батальной живописи», не увидишь человека с ружьем. Солдат Шестаков, торопливо кинутый на передовую, так, наверное, и не успел стать специалистом при пушке. Потому что науке убивать «великие маршалы» его поучили чуть больше месяца. Зато, похоже, под завязку напичкали легковесными верованиями в молниеносную победу, в слабого и глупого противника.

«Живу пока хорошо, — читаю отцовское успокоительное письмо от 22 сентября сорок первого. — Борюсь с врагом. Ежедневно мы бьем по нему. Они стреляют по нам. Но они стреляют бесполезно».

А может, такой упрощенной оценкой отец настраивал нас на оптимистический лад: не тревожьтесь, опасности рядом со мной нет, скоро невредимым вернусь домой. Письма деловые, неторопливые, рассудительные, уверенные в дне завтрашнем.

«Варя, если остригли летнину, если дивно, то скатайте сыновьям по пимам, Шуре и Толе. Чтобы я пришел, они у меня были в новых пимах».

Мама Варя (справа) с сестрой Ульяной Уросовой и первоклассником Сашей Шестаковым.

«Варя, вы насчет заплота пиште, что не можете никого найти складать. Варя, не обязательно его складывать. Варя, сложи его в одну кучу где-нибудь к стенке. Пусть лежат до меня. Я приду и складу сам».

И наставлял на дело очень важное — из всех сил работать на артельном поле, работать на урожай, работать на победу, работать самоотверженно, «чтобы Родина крепла».

«С 21 июля нахожусь на фронте в бою. Варя, передай всем колхозникам и колхозникам от меня большевикский привет. Я нахожусь на боевом фронте. Они всеедино-вседенно пусккой работают».

«Если хлеб хороший, уберете его хорошо, то получите на трудодни хорошо. Варя, пожалуйста, берегите хлеб».

А еще в письмах много советов, как свести концы с концами задавленному налогами-страховками хозяйству солдатки: «Варя, я знаю, что вам там очень трудно с платежами, но как-нибудь выходи из положения... Если найдется покупатель, то продай мою гармонь за 150 рублей и уплати налог и страховку...».

Он, далекий от лирики, в последних письмах не скрывал тоски о малой родине, о товарищах-односельчанах, о семье.

«Я постоянно вижу вас, Варя, во сне. Как будто с вами работаем в поле. Пробужусь, а вас нет...».

«Я о Шурочке и Толечке, родным моим сыновьям, очень соскучился. Если фотограф придет, то сфотографируй Шурочку и Толечку. Я хотя бы на карточке с ними повидался бы...».

«Варя, возможно не приду к тому времени...».

Не пришел к тому времени... Не пришел никогда...

Александр Евгеньевич Шестаков много лет работал журналистом в газетах Тюменской области. Он родился и вырос в деревне Мишино Бердского района. Сейчас на пенсии. Живет в Тюмени.

«И я окуневский...»

С писателем Геннадием Филимоновичем Сысолятиным я встретился и тогда же, собственно, воочию познакомился на одном из литературных собраний-форумов в Новосибирске. Полно, попросил слова, вылез на трибуну, о чем-то горячо говорил, а потом ко мне подошел высокий, бравый мужчина с «иконостасом» наградных колодочек на пиджаке, сказал:

- Так вы тюменский, а откуда родом?
- Из Бердюжского района, из Окунева...
- Так и я окуневский! — обрадовался собеседник.

Известный в Хакасии и в России поэт и прозаик Геннадий Сысолятин пишет в одной из своих биографических «справок»: «Родился я в 1922 году в селе Окунево Бердюжского района Тюменской области. В Хакасию привезен матерью в возрасте восьми лет. Здесь моя вторая родина... Остатки семьи после пропавшего без вести отца, участвовавшего в Ишимском восстании крестьян в 1921 году, преследовались властями. Мы скитались без крова над головой. Мама умерла в 1935 году, не выдержав скитаний. Вырастила и воспитала меня тетка. Окончил Минусинское педучилище, работал учителем и заведующим начальной школой в 1940-м году. А в 1941-м попросился добровольцем на фронт. Послали сначала в артиллерийское училище в город Барнаул. А с марта 1942 года моя фронтовая биография лейтенанта, старшего лейтенанта, потом капитана связана со многими сражениями: Сталинград, Курская битва, Брянский, затем первый Белорусский фронты. Боевой путь пролегал до Эльбы. И всегда я на фронте писал стихи. Фронтовые музыканты сочиняли на мои стихи песни.

В марте 1945-го в бою за подступах к Берлину получил тяжелое ранение, которое сказывается на здоровье и до сих пор... После войны, после фронта, всю последующую жизнь занимаюсь литературной и журналистской работой...».

Геннадий Филимонович за отличия в бою Великой Отечественной войны награжден орденами Отечественной войны первой степени, Красной Звезды, многими боевыми медалями. А за большой вклад в развитие хакасской литературы в 1992 году награжден орденом «Дружбы народов». Он заслуженный деятель искусства республики Хакасия.

В предлагаемой читателям «ТЛ» отрывке из повести «Безотцовщина» легко узнаются окуневские веси, а герои повести за редким исключением носят свои настоящие имена и фамилии.

Николай ДЕНИСОВ.

Безотцовщина

Из повести

О весне 1929 года однажды сказала карасевцам солнце, вставшее высоко над деревней и рассмеявшееся весело и звонко. Почему звонко? Да потому, что, вместе с улыбкой солнца, зазвенели лесные колокольцы — хоры певчих птиц. А еще заржали, почувшавшие молодую травку, кони. Замыгали стада. И подал рокошущий голос колхозный трактор, пока единственный в деревне...

«Королево болото» — от прозвища Женькиного дедушки Самсона Луфановича — «Король»! Чем он его заслужил? Может быть, тем что был, действительно, «королем» деревенских считальцев? Мог подсчитать площадь земельного надела любых очертаний. Неграмотный, не слышавший о науке тригонометрии, он в уме подсчитывал площади «клиньев» и «штанов» точнее, чем это удавалось землемерам.

Верстах в восьми от деревни пашни и березовые колки подходят в одном месте к заболоченной низине, где там и сям проглядывают оконца стоячей воды. Это и есть «Королево болото». Над болотом, на бутре, давным-давно поставлена избушка пашенная, а пашни идут дальше, они на возвышенности.

Избушка низкая, подслеповатая, прокопченная. Половину занимают нары, другая половина служит для прохода. Стол еще топорной работы в ней стоит. А в стены колья вбиты — хомуты и уздечки вешать.

В этой избушке и поселились мать, тетка и Женька, но одни были недолго — приехало семейство дедушки Самсона.

Лицо дедушки еще гуще заросло сильно седеющей мохнатой бородой. Пепельно-седыми стали кустистые брови. На макушке все тот же картуз из давней, вытертой и потрескавшейся, кожи; из-под засаленного околыша торчат концы сивых волос, подстриженных под кружало. Руки темнобурые, похожие на клешни; это его рабочий инструмент, на все годный — пашню пахать, зароды сена вершить, бревна и жерди обтесывать. Наверное, нет такой крестьянской работы, которую не умели бы сделать руки дедушки Самсона. Вот он, низенький, мохнатый, ходит вокруг старого мерина Сивки, снимая с него сбрую. И он похож на домашнего, что, говорят, по ночам запугивает конские хвосты и гривы.

На кого бы там ни походил, а дед он настоящий, родной, кержацкой фамилии — Вяткин. Поймал Женьку на себе его удивленный, растроганный и в то же время какой-то растерянный взгляд.

— Почему он так на меня глядел? — спрашивает у матери.

— Кровь родная его к тебе тянет, — ответила тихо. — Ты ведь его прямая ветвь, наследник... А вот Мишутка тетушки Арины — тот уже Барсуков...

Мишутку тоже привезли на пашню. Ему пятый год. Боронить Мишутке еще рано, а на вершны все равно запросится. Да ведь и из Женьки какой еще борноволок! Больше-то оба с Мишуткой станут бегать по опушкам колков, гнезда разных пичуг высмат-

ривать. Или картошку печь на костре. У Мишутки у самого глаза, как угольки — черные, блестящие. Посверкивают они на круглой румяной рожице и всему удивляются — полевой избушке, молодому леску, пашне, от которой пахнет земляной прелью.

Мишуткина мать — тетушка Арина и отец — дядя Маркел снимают с телеги мешок с овсом — конским хлебом. Тетушка — невысокая, плотно сбитая, плечи округлы, шея мягка. Высоко держит чернобровую голову. Сама вся пестрая, белобокая, яркая. Дядя Маркел — рослый, лобастый, немного медлительный в движениях и речи. Он все делает солидно. Поднял вверх у телеги оглобли, связал их перетягой и закатал телегу под навес. А потом то же проделал и с телегой тетки Марьяны. И еще дядя Маркел таган вырубил и вкопал — две сошки с рогульками и перекладной, чтобы котелки да чайники над огнем вешать.

Когда устроились на жительство, стали насчет пахоты совариваться.

— Откуда начнем? — спрашивает тетка Марьяна.

— Твоя полоса ближя, с нее и начнем, — отвечает дедушка Самсон.

— За неделю управимся?

— Надо бы... По прошлогоднему теперь не выйдет. Тогда ведь два уповода враз вели — мы на паре пахали, а Замякин на своей лошаденке боронил...

Да, сразу сказалось отсутствие третьего супржника.

А дядя Маркел сходил куда-то за колок и принес сообщение, что там, на пустоши, которая отошла к колхозу, собираются колхозники из бригады Антипа Котгева пахать трактором. И стан у них там выстроен.

Накормив лошадей, обе семьи выехали на пахоту. Буску и Сивку впрягли в плуг. За рогулины плуга взялся дядя Маркел.

— С богом! — сказала тетка Марьяна.

Дядя Маркел насмешливо косил на нее глаза, но промолчал. Неуловимым нажимом сильных рук заглубил он в землю острый носок гнutoго лемеха. Свистнул, и кони — Буска и Сивко — потянули плуг вперед.

Маркел не любил, когда поблизости толчется лишний народ. Зная это, тетка Марьяна повернулась и пошла от пахоты. Смена ее наступит еще не скоро.

Тетке захотелось посмотреть, как пахут колхозники, и что за стан они выстроили за колком. Женька с матерью догнали ее у самого леска.

Пройдя через колок, очутились у широкой пустоши. Возле опушки темнел бревенчатыми стенами перевезенный из Карасей дом, собранный на скорую руку. Это было видно по наличникам окон, навешенным кое-как. Зато над крышей, на высоком шесте, был поднят красный флаг. А вот и поле колхоза. Сначала Женька услышал перекатывающийся над пустошью рокот. Он приближал-

ся к ним и, по мере приближения, становился все натужнее. Вскоре из-за кустов показался и сам трактор — высоконкий сундук с трубой, торчащей сбоку и с загогулиной впереди. Он шел и урчал, а за ним тянулся прицепленный трехлемешный плуг — сразу три борозды ложились вразвал. Свежие борозды покрывало стелющееся облачко едкой синеватой гари...

Трактор уже совсем поравнялся с двумя женщинами и мальчишкой. Его вел Костя Пеганов, комсомолец, приходивший к тетке Марьяне контраковать овец. Повернулся к наблюдателям Костя, крикнул что-то, да не разобрали из-за стрекота. Наверное, что-нибудь сбалагурил. А его обнаженные зубы сверкнули так же, как тракторные шипы на колесах. Не остановил Костя свою тарактелку, дальше поехал. Женька долго смотрел вслед трактору, пытаясь понять, почему он движется сам, что у него внутри? Хотелось еще раз дожидаться, когда он покатит обратно, да боялся отстать от матери и тетки. Но не было и особого восхищения трактором. Просто Женька пытался понять, почему люди бредят им. Почему даже на почтовой марке появилось четверостишие:

«Кончат Сивка-бурка службу
И плуг живет последний час,
Ведь завела деревня дружбу
С тяжелым трактором у нас».

— Что же будет с сивкой-буркой? — спрашивал он у матери? Она покачивала головой: «Не знаю. «Спрашивал у любимых стихов про коней, но там было: «Покройте попоной, мохнатым ковром, в мой луг под уздцы отведите, купайте, кормите отборным зерном, водой ключевою поите...» Но в той же книжке Пушкина было и другое: «Оттого я ржу, что в поле уж недолго мне гулять, проживать в красе и в роле, светлой сбруей сереглять. Что уж скоро враг суровый сбрую всю мою возьмет и переберияет подковы с легких ног моих сдерет...»

Женька набит стихами, хотя специально их не заучивает. Но вот пока он искал стихотворение, соответствующее моменту, тетка Марьяна нагнулась, подобрала какой-то прутик и измерила им глубину колхозной тракторной вспашки. Сделала на прутике отметину и пошала дальше, через колок. Потом мерила этим же прутиком борозды после конного плуга у себя на пашне и качала головой. Видимо, удивлялась, что машина вспахала глубже, чем кони...

Вспаханы оба загона — тетки Марьяны и дедушки Самсона.

— Ну, бороноволок, готовьтесь! — говорит дедушка.

На Буске нацелился волочить борону Женька, а на Сивке — Мишутка.

Женька подходит к кобыле, она мотает головой вверх-вниз, отмахиваясь от мух. Дернув ее изо всей силы за поводья и заставив стоять спокойно, он примеривается, как лучше сесть на нее верхом с земли. Но ведь это только большие мужики садятся на вершны так, а Женька всего лишь мальчишка-семилеток. Но есть у него свой прием, подсмотренный у деревенских ребятишек, что чуть постарше. Вот он разобрал и выровнял ремни уздечки и закидывает их на Буску так, чтобы сшитыми вместе концами они зацепились за горбатую Бускину холку. Вот, держась за гриву, ставит одну ногу на провисшую середину поводьев. Поставил, и подпрыгивает вверх. Быстро перекидывает через Буску другую ногу и плюхается ей на спину...

У края загонки взрослые прицепляют бороны к постромкам. Женьке велено ехать вперед, а Мишутке — сзади и сбоку за ним. Буска напрягает постромки, и борона тянется следом; она вся деревянная, решетчатая, четырехугольная, в поперечины зубья вбиты, большие, железные, а сзади — с угла — деревянная уключина — перевертывать борону, когда зубья многой корней нацепляют...

Борона идет неровно — то врывается зубьями в пласты, то прыгает поверху. Поэтому тетка Марьяна идет следом, где надо утопит борону, где надо — перевернет и вытрасет из нее корни. А Мишуткиного Сивого ведет в поводу дедушка Самсон.

Поездили Женька с Мишуткой часок и затомились, заскучали.

— А скоро забороним? — спрашивает Мишутка.

— Да ведь только начали, — отвечает ему дед Самсон.

И Женька, хоть старше и крепче Мишутки, начинает понимать, что работа — это не сплошное удовольствие. Что ж это такое — работа? Вот его жарит сейчас солнце, пить захотелось, а еще стер кожу на стегнах, толкая Буску коленками под бока, а слезть с конской спины нельзя. Он — бороноволок, и должен управлять Буской... Оглядывается и видит за собой забороненную полосу пашни. Она не такая, как первоначальная пахота — пла-

сты измельчены, разровнены, весь сор из них вычесан. Полоска становится рыхлой и чистой потому, что они оба с Мишуткой прикладывают к ней вот эту езду. Бороньба изменила полоску. А если бы ездил он не с боронами, а — так? Вон дедушкин Лапко бегаёт по меже, завернув хвост калачиком. Но сколько бы он тут ни носился, толку от него для полоски — никакого. Лапко-то бегаёт в свое удовольствие, а Женька с Мишуткой стараются, чтобы полоска росла, ширилась. Если они перестанут волочить бороны, земля тут не покроется рыхлыми рядками, нельзя будет сеять по ней. И они должны боронить и боронить... Должны! Значит, работа — это не то, что человеку легко и приятно, а — то, что, порой, и тяжело, и утомительно, но что он все равно должен делать...

Когда Женька приблизительно понял, что такое работа, то уже не так поддавался усталости...

Не находит себе места мать Женьки возле полевой избушки. Нет ей отчего-то покоя. Вот сейчас пытается выдернуть из земли засохший побег хмеля под окошком, а он не поддается. Нависая на тычку и держится вместе с ней, свешивает аж с ее вершинки вниз осыпающиеся чешуйчатые шишки.

Хмель! Мать вдруг рассказала Женьке: хмелем осыпали ее и его отца в тот далекий свадебный вечер. А потом, весной, приехали они вот сюда, на пашню. Отсеялись и совсем уже запрягли Сивку, чтобы домой возвращаться, да отец сказал: «Погоди, Нюра, хмелю тут посажу вокруг избушки. Летом зелено будет — и тень, и запах приятный...»

Первые годы, как отец скрылся неизвестно где, повитель хмеля возле избушки у Королева болота была еще густой, пышной. Весело вился хмель по высоким тычкам, воткнутым в землю. А потом захирел. Сейчас мать хочет старый хмель вырвать и посадить на этом месте новый. Молодых корней хмеля она пощипет в березовом колке...

Мать взяла лопату и пошла в березняк. Женьке сказала, чтобы не бегал за ней, а отправлялся лучше на забороненный клин пашни, к дедушке Самсону — посмотрел бы, как он пшеницу сеет. И Женька побежал...

К той самой полоске, которую заборонили они с Мишуткой, тетка Марьяна подвезла семенное зерно в мешках. Женька помнил как зимой она, стоя в завозне, качала огромное решето с этим самым зерном, потом кружила решето и вручную отбирала семена. Готовую кучу перемеривала пудовой — деревянным ведром, в которое входил ровно пуд. Теперь дедушка Самсон бросит семена в возделанную землю...

А вот и дедушка. Он надевает на себя холщовую суму, она у него лежит на животе. В суме — красная пшеница сорта «китченер», мукой из которой не могут нахвалиться обе Женькины бабушки-стряпки: баба Ненила, что с материнной стороны и баба Дуняша, что со стороны отца...

Дедушка Самсон мелко покрестился, вздохнул и ступил на вспушенную боронной полоску. И моментально в правой руке его оказалась горсть зерна. Он размахнулся справа налево и немного снизу вверх, и зерна из его горсти ударили по полосе навесным веером. За первой последовала вторая горсть, за второй — третья эта еще дальше. И пошло, и пошло! Веер зерен реял в воздухе с характерным шуршанием, аж с прищивом, и вбивался в гухлую землю, как тяжелая дробь. Впрочем, большинство семян оставалось еще на поверхности, и можно было рассмотреть, где засеяно, а где — нет.

Дедушка Самсон сеял оберучь, попеременно правой и левой. Пройдя полоску и прохлестав ее зерном, он делал новый заход уже с противоположного ее конца. И бросал зерно уже другой рукой.

Шел туда — сеял правой, шел оттуда — сеял левой. А зерно при этом ложилось все в одном направлении. Надо ж уметь так работать, меняя руку и направление хода!

Иногда дедушка останавливался, поворачивался лицом к засеянному и пускал еще горсть-другую семян вдоль по ходу своему — выравнивал сев.

В то время, когда он шел, неся свою суму, семена из которой с каждым шагом и с каждым взмахом убывали, и попеременно размахивал то одной, то другой рукой, он выглядел и высоким, и величественным. И еще казалось — благословлял землю.

Рассеяв несколько горб и окончив свое дело, дедушка велел тетке Марьяне перепрыгнуть Буску из телеги в борону. А теперь уж она повела кобылу под уздцы под засеянному, а Женька сидел верхом. Одному ему тут боронить не доверила, чтобы не накривулял. Радовалась, что за боронной остаются ровные рядки.

А дедушка Самсон с их полоски пошел к своей, где его

уже давно ждали свои домочадцы, тоже с приготовленными семенами пшеницы.

Мать пришла из березняка сама не своя — бледная, испуганная. И корней дикого хмеля не накопала.

Первым ее вопросом было:

— Где дедушкин Лапко?

Он со всеми Вяткиными, — ответила тетка Марьяна. — Мы с Женькой видали, — прибавила для убедительности. — А в чем дело?

— А в том, ответила мать, — что, если это был не Лапко, то, значит, за мной по пятам шел волк.

— Как так — волк? — вскинулась тетка, широко округлив глаза.

— Вот послушай... Иду по лесу, велик ли он! Смотрю под кусты, не увижу ли где пробившийся хмель. И на стволы березок да осинок поглядываю — нет ли на них сухого, навитого хмеля. Где есть сухой — может оказаться и свежий, так я его и выкопаю. Лопатка у меня в руках... Вдруг чувствую всей спиной — взгляди! Помедлила, однако, оборачиваться. Но в такие моменты и тянуть нельзя — опасность. Вот я осторожно так, с лопаткой, и повернулась. А за мной Лапко идет — наш Лапко, дедушки Самсона, серый, с белесинами. И смотрит на меня — не моргнет... А вот когда я на него взглянула, у него что-то перемелькнуло в глазах, от неожиданности, наверно. И тут же он осадил свой шаг. Я ему: «Чего ты, вдруг, встал? Али набекоурил тут? Птичьи гнездо разорил?» Он мой голос услышал, да как лягнет зубами! Я и обмерла. Не Лапко это — волк! И матерый, скалится. Лопату держу перед собой, а поднять боюсь. И сдвинуться с места боюсь — прыгнуть может. Взгляд его чувствую, тяжелый, звериный... Сколько так простояла — бог знает. А вдруг глянула — его и след простыл. И я потихоньку, чтобы не шуметь — давай бог ноги к избушке.

— Ох, Нюраша, — тебе надо было крестом осениться...

— Ты думаешь — не волк?

— Волки летом, говорят, не нападают.

— Так ведь не лето еще.

— И не зима. Они уже сытые в эту пору. Думаю, была нечистая сила в образе волка. Не к добру это нам... Сколько несчастий было, сколько еще будет! Молиться надо, Нюра. Может, господь избавит от неведомой напасти.

Мать, не отвечая сестре, думала о своем...

У «Королева болота» рай в это время. Кудрявые колки звенят птичьими голосами. Пара ремезов связала и повесила на самый верх тонкой березки пуховую рукавичку, выводит в ней птенцов. Не доставай лесную рукавичку — зачем тебе она? А чайное блюдечко, в которое положила яички малиновка! Не снимай его с куста, пусть она там остается... И тетеркино гнездо среди высокой травы не тревожь, не спугивай старку, не смотри на кладку теплых крапчатых яиц.

Ты, может быть, любишь лесных птиц, желаешь им доброго лета, но ты не знаешь их жизни, не знаешь, что вместе с тобой в рощу входят птичьи несчастья. Ты слезил на дерево просто из праздного любопытства, и теперь это дерево приметно. Раздвинул куст, и куст уже не защита птичьему домику. А если траву возле гнезда истоптал, то и того хуже...

Все это из «Лесной Книги», читать которую Женьку учила мать. Вспомни тот Женька рассказанный ею эпизод с волком, и подумает: «Не могла она ошибиться, и провозжал ее через лес, действительно, волк, а не дедушкин Лапко и уж никак не теткина «нечистая сила»...

Сегодня — последняя ночь в поле. Избушка в последний раз окажет гостеприимство обеим семьям. Хлебушко посеял, делать больше тут нечего до жатвы. Но так как боронить после ручного сева на полосе дяди Маркела закончили поздно, то и решили ночевать тут. А кони за ночь поджарятся, отдохнут...

Сидят у костра все, сколько их есть. Дедушка Самсон повесил над огнем чайник с водой, внутрь спустил веточки дикой смородины — для заварки.

Со всех сторон ползут потемки. С болота тянет прохладой. Где-то совсем рядом, в кочка, скрипит коростель, ему вторят лягушки. Какая-то белесая тень, наверное болотный лунь, надлетев боком шаркнула от костра. Со стороны колка слышится пофыркивание спутанных и пущенных на пастьбу коней.

Мать запрокинула голову вверх, к звездам, рассыпанным, как серебристое просо. Смотрела-смотрела и дождалась — там, вверху, словно белая искра сверкнула.

— Звездочка упала, — сказала мать.

— Чья-нибудь жизнь кончилась, — отозвалась, с сожалением в голосе, тетка Арина.

Мать вздрогнула.

— Загадала я... на Парамона, — глухо сказала она.

Беседовавшие о чем-то дядя Маркел и дедушка Самсон враз замолчали. Долго стояла тишина. Невозможно было после этих слов матери вести какой-то другой разговор.

— Да-а, — протянул осторожно дядя Маркел. — В Парамоне-то, ведь, вся и загвоздка... Вот и скажи, что человек не иглока...

— А я так слышала, — сказала тетюшка Арина. — Если о ком-нибудь сильно думать, тот человек должен обязательно это почувствовать, даже если он на краю света будет... Может, у Парамона тоже сердце сейчас затрепыхалось...

Какой-то булькающий хрип послышался с того места, где сидел дедушка Самсон. Женьке стало не по себе, ведь в первый раз увидел, как может плакать такой, похожий на окаменевшего, старик. И еще понял, что горе на сердце не у одной его матери, что этим же горем мечены и все родичи, а больше всех — дедушка Самсон.

Не окаменело сердце у Женькиного деда. Прорвалось из стариковской груди все, что наболело за долгие годы. Слезами непривычными прорвалось, хриплым надорванным голосом. Столько лет страдал молча, а сейчас вдруг заговорил, словно душу распахнул.

— Был сын и нет сына... Внучек остался вот, будто карточка на погляденье, — выговаривал рот дедушки Самсона, скрытый под мохнатыми усами. Усы дергались, стряхивали капельки катящихся слез, которые слетали с них, сверкнув при огне костра.

— Нет сына, — продолжал дедушка Самсон. — А его чернят. Каково мне, отцу, эти досужие речи слышать: «Сын — белый офицер, в банду или за границу убежал... Что я отвечу на это? Тому, что его не стало с нами, до сей поры никто ума не даст. А толковать по-всякому не запретишь никому... Если живой — понимает ли, чего натворил? — голос дедушки стал наливаться злостью. — Сам-то беги, черт с тобой, так зачем прежде жениться вздумал? Жизнь другому человеку испортил. Кто теперь Нюра? Не мужняя жена, не вдова... А Женька — сирота наполовину... Да разве только в этом беда? Не-ет, идет беда пострашнее. Что у нас впереди? Власть вон крестьян в колхозы сбивают, но уже поговаривают, что через сортировку нас надо прежде пропускать, вроде зерна. А потом уж — кого в колхоз, а кого — и на Север, к белым медведям, как Ефимко Цапкин обещает. Из-за Парамона как бы нам туда дорога не выпала...

— Это вы, тятенька, напрасно, — быстро сказала тетюшка Арина. — Парамон бежал не сегодня, не вчера. Мы на виду у всей деревни это время жили, знают нас по-хорошему.

— В колхоз надо бы заявленье подать, — заметил дядя Маркел. Пусть, нынче еще дождемся своего урожая, а там — как все... Мы с Аришей, конечно, понимаем, что это из-за Парамона, а только не надо, примерно, делать из мухи слона...

Тетка Марьяна молчала, слушая, как за колком тархитит трактор. И удивлялась: «Вот как! Эта машина, может, оказывается, и ночью пахать!»

Заговорила вновь тетюшка Арина:

— Нюра — наша... С нами ей надо ближе, теснее. Так будет лучше... Поодиночке такое несчастье свалить нельзя, а вместе мы ему не поддадимся... Женьку вырастим... Переходила бы ты, Нюра, опять к нам жить.

Мать в продолжение этого разговора сидела с опущенной головой. После слов тетюшки Арины она быстро подняла ее. Глаза матери были сжатыми.

— Спасибо, Ариша, спасибо, родная, — мать дотянулась до своей золовки и обняла ее. — Ты прости меня, Ариша; ведь умом-то я знаю, что вместе надо нам. Но вот сейчас мы и вместе, а сердца друг дружке изводим хуже, чем поодиночке... Нет уж, зачем старые угли ворошить. А по этим углям тут, в Карасях, каждый день ходить приходится... Уехать я надумала. В город, на производство. Тогда все это скорей заживет. И для Женьки лучше будет. Марьянушке я помогла, думаю, она не обидится на меня. А сейчас наши дорожки и с ней расходятся... Ты, сестрица, — повернулась мать к тетке Марьяне, — осенью, как уберешь хлеб, тоже попробуй в колхозе своей доли поискать...

Почти до половины выкипел чайник на тагане, а его все никто не снимал. Про чай забыли. Дед Самсон, молча, задержал сожалеющий взгляд на Женьке и Мишутке. «Вместе, пока маленькие, наверное, невесело думал о них умудренный жизнью старик. — А чуть подрастут, их и разрознят... Эх, ребяточки! Права ваши птичьи... Гнездо-то ваше недобрый глазом найдено!»

Вспоминают участники Великой Отечественной войны

ПЕТР КОРУШИН *

* «ДО БЕРЛИНА ДОШЕЛ...»

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ КОРУШИН. Год рождения 1926. Командир танка, гвардии старшина. Ныне пенсионер, житель села Окунево.

Сорок четвертый год... В январе мне исполнилось восемнадцать. Пришла повестка из военкомата и меня отправили на войну... Не сразу, конечно, сначала с повесткой пошел пешком в Бердюжье, в райцентр. Провожали за рошу мать, две сестры... Потом мне напоминали, что мать держала в руках икону. Но этого не помню... Почему пешком? А на чем ехать? Лошаденки как и были в колхозе, так еле на ногах держались. А до района напрямую лесами было 25 километров. Пошел. Точно помню, было 17 апреля. Снег уже сошел, ранняя была весна. В военкомате нас собралось пять призывников. Помню, с Воробьева одного парня на быке привезли... Ну, меня назначили старшим, документы на всех вручили. И отправили на том же быке на станцию Петухово. В то время наш район находился в составе Курганской области. День проехали, ночь, на второй день прибыли. Коль я старший, взял билеты на всех

и стали добираться в Курган на распределительный пункт. Добрались, я сдал документы, распределили кого куда. Я попал в Чебаркуль обучаться на командира отделения пехоты. Проучился два месяца, приехали «покупатели» и перед строем спрашивают: «Трактористы есть?.. Два шага вперед!» Нас вышло человек пятнадцать. Поняли, что вербуют в танкисты... Довезли нас до Челябинска, там набор уже кончился на танкистов. Направили учиться в Курган в 25-й учебный танковый полк, где мы проучились четыре месяца на механиков-водителей. Дали звания младших сержантов и направили в Нижний Тагил получать танки «Т-34». Скомплектовали по экипажам: механики, командиры орудий, заряжающие и в каждый экипаж по командиру-офицеру, младшему лейтенанту — тоже из учебных полков.

Получили танки на заводе, поехали маршем на стрельбище. Двое суток там пробыли. Отстрелялись, как надо, вернулись на завод. Там подогнали железнодорожные платформы, погрузили наши танки, прикрутили проволокой. Поехали! Помню, было первое января сорок пятого года. Раскоцгарили печи в теплушках и — на запад, фронт догонять. Доехали до какой-то станции в Польше, там разгрузились. Получили новое обмундирование. Приказали ехать в лес. У нас было двадцать машин, то есть две танковых роты. В лесу распределили по полкам. Я остался в своем, 50-м танковом, который вошел в состав Первого Белорусского фронта, где командовал Жуков. Армия — вторая танковая под командованием Богданова...

Так вот, значит, с Польши я и дошел до Берлина. Какие города брали?.. Дай Бог вспомнить... Штутгарт, Наугарт, Потсдам, Бенау... Ну и Берлин! Шверин еще... А потом

Нойштрес, который севернее Берлина на сто километров. Там я потом и служил восемь лет... Боевые эпизоды? Запомнилось как форсировали Одер. Ночь. Темно. Ракеты горят. Танки, пехота, артиллерия, «катюши» — все там было. Стреляли... Самолеты нас бомбили немецкие. В мой танк не попали, а в соседний — возле самого танка пала бомба, экипаж контузило. Другой случай — впереди идущий танк наехал на фугасную мину. В куски разбросало. Страшно смотреть! Волосы дыбом: танк на куски. А весу в нем 32 тонны. Нам везло. Ну стреляли по пехоте немецкой, по танкам ихним... Как-то захватили несколько немецких танков, я даже на одном прокатился. Удобное у них управление для механика-водителя...

В Берлин вошли в боях. В городе едешь: дыму кругом! Кашляешь. Все горит... а что там впереди?! Что ждет тебя? Фаустники стреляли. Но опять везло, в мой танк не попадало. Этот фауст-патрон, знаю, броню прожигал, а в танке разрывался, экипаж погибал... Рейхстаг? Ну раз я танкист, так на танке и подъехал к нему! Вплотную. Вылез, а кругом все уже с флагами бегают! Устанавливают — там и там. Взяли!

Из Берлина выехали на отдых. В лесу остановились. Отдыхаем. И тут передают, что война закончилась, Все, конечно, обрадовались: кто из автоматов, кто из пистолетов в воздух стреляет!.. Двое суток отдохнули в лесу и поехали по назначению. Службу нести. Казармы за городком каменные заняли. Немецкие кавалеристы там стояли. Хватило, чтоб разместить три наших танковых полка и разведбат. Стены в конюшнях прорубили, сделали ворота для каждого танка. Занялись боевой подготовкой, других дел у нас не было... Только в 1953-м году выехал я из Германии на родину. Дембель. Полный!..

ШТУРМОВАЛ БОЛЬШОЙ ХИНГАН *

* ВАСИЛИЙ БЫТОВ

БЫТОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ. Год рождения 1926. Танкист. Капитан. Ушел из жизни в августе 2000 года.

— Родился и вырос в селе Уктуз Бердюжского района. После окончания семилетки в 1941 году пошел трудиться учетчиком-заправщиком тракторов в Уктузской МТС, которая работала с первых дней войны — в режиме военного времени.

В ноябре 1943-го получил повестку из военкомата и был призван в ряды Красной Армии. Послали учиться на младшего командира пехоты. Учеба проходила в 24-м запасном полку в Чебаркульских военных лагерях на Урале. Затем окончил краткосрочные курсы военных радиотелеграфистов в Свердловске. Попал на Второй Украинский фронт, где служил радиотелеграфистом штабной радиостанции.

День Победы встретил в Чехословакии в звании сержанта. И вскоре был направлен в состав 63-й механизированной бригады седьмого механизированного корпуса, который в июне 1945-го направлялся по железной дороге на Дальний Восток.

Предстояла война с Японией.

И механизированному корпусу, где я был уже радистом танка Т-34, выпало штурмовать горный хребет Большой Хинган. За участие в этом штурме получил письменную

благодарность Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина.

Окончилась война. Но еще в течение десяти лет не снимал погоньи. Находился в составе войск Порт-Артурского гарнизона. В прославленной русской морской крепости на юге Китая.

В начале 50-х разгорелась война на Корейском полуострове, в которую были втянуты Южная и Северная Корея, Америка. Советский Союз оказывал военную помощь Северной Корее и мне приходилось участвовать в этой войне в составе специализированных подразделений Советской Армии — в сентябре 1951 года...

Демобилизовался из рядов Советской Армии в 55-м году в звании офицера-политработника одновременно с выводом советских войск из района Порт-Артура.

В мирной жизни, на гражданке, пришлось переквалифицироваться. Пошел учиться. Окончил Тюменский техникум советской торговли, а затем Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

Пять лет работал в системе потребительской кооперации на руководящих должностях, затем много лет находился на партийной работе в Бердюжском районе.

Награжден восемнадцатью правительственными наградами Советского Союза и

двумя медалями Китайской Народной Республики.

В начале семидесятых переехал в Тюменский район, восемь лет работал председателем исполкома Успенского сельского Совета, затем в совхозе «Успенский» был старшим инженером по охране труда и по совместительству начальником штаба Гражданской обороны в Успенке. Много лет был председателем совета ветеранов войны и труда Успенского сельского Совета...

P.S. от редакции: Светлая память тебе, русский воин!

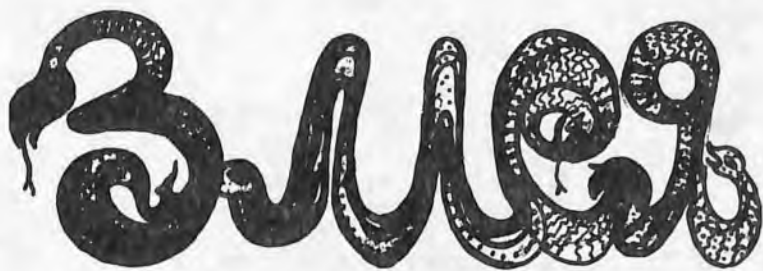
*Среди степей необозримых,
В тиши берез, в цвету полей*

*Лежит Бердюжский край любимый —
Частица Родины моей.*

Михаил Абрамов.

Николай Денисов

Николай Васильевич Денисов родился и вырос в селе Окунево. Учился в Окуневской, Уктузской, Бердюжской школах. Работал разнорабочим, прицепщиком, трактористом в совхозе. Служил в Военно-Морском флоте. Учился в Гольшмановском училище механизации, в Литературном институте им. А. М. Горького. Несколько раз был в длительных зарубежных плаваниях на судах торгового флота. Автор многих книг стихов, прозы, публицистики. Член Союза писателей и член Союза журналистов. Почетный гражданин Бердюжского района. В настоящее время главный редактор «Тюмени литературной».

Современное повествование

Описываемые ниже события имели место на целебном озере Соленое, близ села Окунево Бердюжского района в лето 7508 года от сотворения мира, в 2000-м году от Рождества Христова.

Автор

1

Берег озера солнечно розов,
Бархатистая травка, стрекозы,
Изумрудный подрост сосняка.
В синем небе в шелках
и батистах,
Со времен еще гзачепистов,
Лебедями плывут облака.
Стихли страсти, герои воспеты,
Беспокойств в обозримое лето
Не предвидится, кроме жары.
Не зудят кровососы и воры
Из сообщества фауны-флоры
Ножевые братки-комары...
Первой Люба решилась и сходу,
Возмущая спокойную воду,
Упоительно плюхнулась: «Ух!»

Так и прянул упругий, застойный,
Погребной, не смертельно убойный,
Солонцовый, целительный дух!
Из особых примет на Соленом —
Камышинки, песочек каленый,
В сотне метров
негромкий большак.
Не сумели сей
кладезь природный, —
Ни вожди,
ни «гарант всенародный», —
Обустроить. Подлечимся так.
Люба сразу в пылу и экстазе
Забурилась в целебные грязи, —
Ледниковой эпохи замес.
Следом мы полуголой ватагой
С безоглядной туземной отвагой
Погрузились в лечебный процесс.
Повращаем суставы и спину,
Пополощем водичкой «ангину»,
Помечаем о сытном борце...
Размышляю о жизненной связи
Идиомы «Из грязи да в князи!»,
О житье, о бытье вообще.

Рыбка в море, корыто разбито,
На Гавайях-Канарах элита,
На Соленом — «совковский» народ.
Кто ты нынче, поэт именитый,
Иль казах

«стехандрозом» побитый?

По раскладу элитному — сброд.
Тут и Люба к раскладу приспела:
Как торпеда, на берег влетела,
Заметалась, сама не своя,
Как по углям горячим босая,
Мезозойские хляби пронзая
Переулочным криком:
— Змея!..
— Где Змея? —

паруса наших плавок

Не встречали и тощих пиявок,
А уж Змей — отродясь и вовек!
— Вон, однако! — казах замечает,
Головою, как кобра качает.
Ну, бывает, устал человек...
А Змеица по озеру рыщет:
Сатанинский оскал, а глазица! —
Позавидовать впору себе.
Мы, как зомби, недвижны и немы.
Тихий ужас...

Развитие темы

Во второй судьбоносной главе.

2

Нет покоя на русской земле!..
Президент в самом пекле,
в Кремле,
Гневно мечет державные искры.
Кто-то нынче падет под топор?!
— Олигархи? Их ждет прокурор,
Пусть войдут силовые министры.
Президент в ситуацию вник.
Да еще тут какой-то мужик
Из Бердюжья трезвонит наудасно;

Ни звонки — обдирающий душ:
«Срочно вышили

хоть пару «капюш»,
Мы ответим Змее адекватно!»
Бросил трубку:

— Ну что за народ,
Нет, самим бы в обход или вброд
Окружить!

И — держаться стеною!
Посмотрел в заоконный простор:
Колыхался с орлом триколор,
Солнце встало. И пахло войною.
— Ваше слово, министры войны?
А министры вошли —

хоть бы хны,
Словно только пленили Хаттаба.
— Дайте карту...

Бледней белены
С точной картой возник из стены
Офицер Генерального Штаба, —
Указал на «квадрат» и «дыру»,
На жестокие промахи ГРУ,
Обретая присутствие духа:

— У Змеи нынче самый балдеж!..
Погранцы не сработали то ж,
Проморгали. И вот тебе плюха!..
— Успокойтесь, я поднял полки,
Как Верховный, согласно закона!
Напружинились силовики,
Всклекотали орлы на погонах.

— Поручаю,
товарищи вам...

Оцените серьезность
момента!

Приосанились, руки
по швам,

И глазами едят
президента.
Оба-двое готовы
в бою
Хоть сейчас умереть
на Соленом:
— До седьмого
колена Змею
Истребим!
— И зачистим
ОМОНОм!

— Хорошо...
У Генштаба вопрос?
— Пару слов
в дополнение картины:
Вот «Головка»,
вот «Савинский мост»,
Здесь фугас,
тут магнитные мины.
Моджахеды!

Легко заключить:
Для терактов забросили банду...
— Исключается! Будем мочить!
Передайте дословно десанту.

* * *

Но недаром зияла «дыра»,
А в дыре однозначно сквозило,
Чтобы войско не только «ура!»,
И набором калибров разило!
Для остротки нашли морячок,
А для шмона и обцих затирок —
Три телеги латышских стрелков
И отряд вертухаев с Бутырок.
Жириновцев ловили везде,
Чтоб бесстрашно —

без шума и пыли —
Поплескались в целебной воде,
Сапоги да и морды помыли.
Провожали, как на целину,
По саперной вручали лопатке...
Словом, третья глава про войну,
Про Змею. И подробности схватки.

3

В тот же час зоревой на «Тайоте»
Сам глава — ну, ребята, даете! —
Прикатил из района и сник,
Мол, бензина последняя банка,
А нужна и солярка для танка,
А еще — этот странный старик!
— Еле дыбат, а посох в зените,
Столько ярости:

что, мол, творите!

Отцепился от деда с трудом
И — на «газ»,
инцидентов хватает,
Скоро наш президент прилетает,
Что не так, объясняйся потом!..
Ну, поэт, забабалхал ты дело!
Где Змея? Не видать. Присмирела.
В кои веки хоть ягод поем...
И пошел на лужок.

А машины
С ревом-грохотом
прут из Ишима —
Боевые — советских систем.
БМП едут — включены фары,
Субмарину, как груз бочкотары,
По частям на «Камазах» везут,
Соберут и нацелят торпеды.
Русский дух не учли моджахеда,
Словом, амба и Гитлер капут!
Степь желта, как прищур азиата.
В небе гул.

— Перехватчик, ребята! —
Замечаю весь ужас травы.
Узнаю оперение «МиГа»,
По ракете на крыльях — не фи́га!
Ну долбай же, соколик! Увы.
Взмыл под облако. Вольному воля.
Разворот и... заходит на поле,
Где ямень рос, а нынче осот.
С горстью ягод, кипящий,

как чайник,
Подоспел и районный начальник.
Буря пыли. И — сел самолет!
Вот и САМ он. Сошел неторопко:
Гермошлем, чемоданчик и кнопка
Государственных ядерных сил.
Посмотрел на казаха устало,
Любе руку пожал, засияла!
— Одолеем? — у братьев спросил.
Мы давно уж при экипировке:
По хорошей в руке монтировке,
И «ЗИЛок» — два ведущих моста!
Как в песок истекают минуты.
Снова гул в небесах. Парашюты.
И Верховный сказал:
— От винта!

Чика в чичу, в железные сроки —
ВДВ приземлились в осоке.
Вот вам Ханко и новый Хасан!
Все сошлись —

и секретная «Кобра»,
И береты Спецназа и Собра,

И кой-где пиджаки партизан.
Донный ил БМБ — не преграда,
Но вначале ударили «Грады»,
Из-под солнца добавили «Су».
Взвыла адом озерная тина.
За отсеком отсек — субмарину

Тридцать «Боингов»
взлет запросили!
Вскоре шутку ЧК раскусили, —
И своим дал отбой Тель-Авив.
А в полках в пацифистском угаре
Комитет матерей комиссарил,

Враз собрали в прибрежном лесу.
«По местам!» —

и подлодка ликует,
Сам Верховный кувалду целует,
Как зеленый матросик-черпак.
Пусть дрожат моджахеды-шакалы:
Президент на борту! Адмиралы
Твердо держат Андреевский флаг!
Слабоват лишь вопрос провианта.
Но тотчас сундуки-интенданты
Приступили к закупке скота.
В бурном натиске кончили дело,
Перещупали страждущих девок,
ППЖ! завели. Лепота-а!
Постановка врага на колени
Поручалась чекистам Тюмени,
В ноль часов доложили:
— Сдались!

В Окунево — в ДК гарнизона —
Ждали враз Пугачеву с Кобзоном.
Тут салют! И без них обошлись.
Слава нам!

Но в истерике «ящик»:
«Где наличие трупов смердящих?
Кем был отдан

преступный приказ:
Где кредиты Всемирного Банка?..»
В ФСБ позвонили: — Лубянка?
— Да, Дзержинский! Я слушаю вас...
«Ящик» в панике вытал в осадок,
Многим драпать пришлось
без оглядок,
Только баксы и чад прихватив.

¹ППЖ — походно-полевая жена.

²Рям — в лесостепи участок заболоченного хвойного леса.

Генералам давал трепака.
И Генштаб, ошалев в перебранке,
Дал согласие распиливать танки,
Но броня оказалась крепка...
На Соленом жарюща, истома.
Но азартно добытчики лома
Копошятся в грязи и траве.
А Змея где?

В «дыру» ускользнула.
Нас-то ладно, державу обула.
Обратимся к последней главе.

4

Ает пяток бы назад — забухал,
Эвон как обернулись леченья!..
Но однажды, как раз на Успенье,
По селу старичок шкандыбал
С посошком и в своем направленьи.
Просветленный, открытый мирам,
Вроде Аенина, кепка в кармане.
Вижу, топчет тропинку за рям² —
На погост, где у нас двоедане.
Богомолец? Похоже! С сумой,
От которой шалеют собаки.
Присмотрелся я, Боже ты мой,
Не поверите, Павел Замякин!
— Дедка Па-а-вел!
— Да ты не базлай...
Он! Сосед наш!

Не мог обознаться...
— Ты зачем же опять, Николай,
Фулюганишь? А мне отдуваться!..
— Ты живой, что ль? —
пытаюсь обнять.
— А не знаю, схороненный, вроде?!
Но, как видишь, спокой исполнять

Ни хрена, брат, и там не выходит.
То овечки, холера возьми,
Забредут, то мычат телятишки.
Тут война! Я уперся костьми
В домовину и —

в сторону крышку.
Вылез: что это новый потоп?
Нет, смотрю,

расторопней решили, —
Еропланы, туды вашу в гроб,
И орудья! Всего наташили.
Рвут, где попадя, бомбы, тротил...
Долбанули б по этому клану!
А Змея? Я уж всяко судил:
Может, Ельцин диканился спьяну?..
Балабоним себе, ворошим
Черт те что, а все ближе к итогу.
Поздний рейс «Окунево — Ишим»
Тормознул.

— Поезжай себе с Богом!
Догорал на закатной золе
Короб солнца. И вот уже нету.
Поползли, умножаясь в числе,
Гады мрака и нежить кюветов.
— Ну поперли! И удержу нет.
Ты ступал бы, Никола, не мешкал...
— Что-то ж было на озере, дед?
— А не знаю...

Скорей всего — вешка.
Эк поверили бабе — Змея!
Ну бомбить — моджахеды, угрозы!
Там же, помнишь, зимой полынья,
Не берут никакие морозы...
— Слушай, дед, от твоих повестей
Впору вытить змеиного яда...
— Не вмастил, знать?

Язык без костей.
Ну да ладно, поправиль, как надо!
Тут и канул он. Ужас и шок:
Только зрил ведь?! Везде обыскался,
Никого! Аишь в траве посошок
Зло шител и в колечки свивался.

* * *

Ждете правду сермяжную, суть?
Многим пали награды на грудь!
Был Указ. Фейерверк из орудий.
Все бывает в родимом краю...
Видит Бог, услезу и Змею,
Покараю. Поспорим о сути.
Столь уж гадов низвержено в ад:
Рубишь головы, снова шипят!
Глянешь на руки — руки в кровице!
В черной крови и плаха стола, —
Лезут, лезут и несть им числа:
Сатанинский оскал и глазица!

Июль-август 2000

«Я вхожу в сиреневое царство...»

Валентин Алексеевич Законов окончил Тюменский педагогический институт. Долгое время работал в газетах — в Тюмени, Ишиме, Заводоуковске, Ялуторовске. Его стихи широко печатались в областной и российской периодике. Член Союза журналистов. В настоящее время инвалид первой группы. Живет в селе Уктуз.

НЕБО

Распахнув зеленые объятия,
Зорями и росами полна,
В ситцевом, в твоём цветастом платье
В этот год пришла ко мне весна.
Солнечными брызгами расцвечен,
Старый сад,

открытый нынче мной,
За неделю вдруг расправил плечи,
Заклубился свежей листвой...
Я вхожу в сиреневое царство,
Рву букеты, небо наклоня,
Чтоб девчонке в платице цветастом
Было легче понимать меня.

ПОТОМУ

Я видел утром,
как, взмахнув лучом,
Рванулось солнце на снега в атаку.
Зимой ослепший,
домик за углом

Вдруг,
прозревая,
радостно заплакал.
Звеняще с крыши забулькала весна,
Обрызгав город солнцем и
капелью, —

И сразу стала улица тесна
Из южных стран пришедшему апрелю.
А он, лишь ковчег небес перевернув,
На землю пролил синевы потоки.
И каждая девчонка потому
Мне кажется сегодня синеокой.

В КИНОЗАЛЕ

Сегодня в кинозале тесно,
Все ждут лишь третьего звонка...
Со мною рядом чье-то место
Еще не занято пока.
И мне-то все равно, конечно,
Что деньги чьи-то пропадут,

Но я смотрю на вход зачем-то,
И словно бы кого-то жду...
И мне представилось: оттуда
Войдет неторопливо в зал
Девчонка, у которой будут
Чуть-чуть надменные глаза.
Она пройдет и сядет рядом,
Коснувшись локтя моего,
Девчонка с чуть надменным
взглядом,

Девчонка с безразличным взглядом
К тому, что здесь так ждут ее.
И станет, вспыхнув лунным блеском,
Экран загадочно светить —
И будем мы с ней ахать вместе,
Смеяться вместе и грустить...
И словно сблизят нас немного
Чужие судьбы и мечты.
И с той девчонкой-недоτροгой
Домой нам будет по пути...
Но вот звонок и третий подан,
И поспеенно гаснет свет...
Со мною рядом стул свободен?
Девчонки той все нет и нет.
А в залелюдно. В зале тесно...
Но я,

не знаю почему,
Не мною купленное место
Я для чего-то берегу...

ОЖИДАНИЕ

А я все писем жду зачем-то,
Хотя давно пора понять,
Что мне желанного конверта
Из рук твоих не получать.
Но я все жду,
метлой согретый,
Что вот напишешь неспроста —
И задохнусь я сигаретой
При виде тонкого листа.
И я в него врассту глазами,
Вбирая нервных строчек суть, —
И вдруг поверю,

что меж нами
Еще случится что-нибудь.
Еще нужны друг другу станем,
Что, как ни странно, но увы:
Ни время и ни расстоянья
Людей не лечат от любви.
И прошлое,

скажи на милость,
Не улетучилось, как дым,
Что чересчур поторопились
Мы с расставанием своим...

ПРАВО

Я устаю теперь от... выходных,
От невозможности тебя увидеть,
Но на тебя нисколько не в обиде, —
Я виноват, наверно, за двоих.
В том, что в общении

проглядел границу:
На ней ведь нет контрольного поста!
И вот посмел по-юному влюбиться
Я в женщину, какую поискать!
А мне, увы, быть не дано красивым
И даже симпатичным, может быть.
Но где,
когда,

кого любовь спросила
Имеет ли он право полюбить?!
Как трудно быть теперь самим собою
И про семейный забывать устав...
Любовь умеет становиться болью,
В аптеке от которой нет лекарств.
И ничего уже нельзя поделаться мне:
Любовь не ездит на перекладных...
Как хорошо, что завтра — понедельник!
И я опять живу...

до выходных!

ГЛАЗА

Мы не садами и не парками
Бежали, юны и легки,
А стлались утренними травами
Нам берега лесной реки.
Мы шли в таинственность рассвета —
И потому казалось мне:
Вдруг обезлюдела планета,
Двоих оставив на земле.
И эти двое

с юной нежностью
Все шли по бархатной траве...
И первобытной синей свежестью
Качался ветер на листве.
Сквозило небо между елями,
Звенели птичьи голоса...
И для меня все это делали
Твои девчоночьи глаза...
Года, года... Они, как звезды,
Мерцают,

к сроку отгорев...
Ты возвращаешься с работы,
Морщинки спрятать не сумеешь.
Твои глаза и этим вечером
Опять устали и земны...
Но для меня сияют вечностью
Вот той, единственной, весны!

Николай Ольков

Потеря

Повесть

Я потерял пьесу.

Поздно ночью, когда я, собственный корреспондент областной газеты по сельской зоне, прибыл в центр по вызову своей редакции, в гостинице, как всегда, не оказалось мест, и мне предложили номер, который в лучшие времена никто не брал: он не благоустроен. Я согласился, потому что выбора не было. В номере разложил вещи, такая привычка. В портфеле со мною были две папки — синяя, с перепечатками нескольких рассказов, которые хотел показать местным писателям, и зеленая с рукописью и всеми материалами, которые относились к пьесе. Было окончательное название — «Инициатива». Хотел еще раз поправить ее и переписать набело. Папки положил в разные места: синюю в стол, зеленую на подоконник, чтобы была на виду.

Утром договорился с администрацией и в обед перешел в другой номер, этажом выше. Сильно торопился, потому что редактор перед самым обедом назначил встречу на 15 часов, и времени уже не оставалось.

Редакционная круговерть взяла и меня в оборот. Лето, сотрудники в отпусках, а газета от того меньше не стала. В отделах насовали тем и пишем, каждый считал своим делом приложить руку к активной стажировке собкора. Я ходил по кабинетам и никак не мог взять в толк, с кем соглашаться, а кого попросту послать как можно дальше. «Такова судьба собкора, — говорили мне. — Ты работаешь на все отделы, у тебя, старик, гигантские возможности в выборе тем».

Это я почувствовал еще в первые дни работы на месте. Зона моя не из выдающихся, обычные сельские районы. Считал, что буду работать в основном с сельхозотделом, но вдруг получил задания от строительного, партийного отделов, потом срочно потребовался материал по местной промышленности. Пока занимался этими делами, возмущились сельхозотделовцы. Я окончательно растерялся и вышел на редактора. Тогда-то он и пригласил меня на стажировку.

Собрав все письма, которые — с миру по нитке — насовали в отделах, промывавшись в очередях на троллейбус и вытерпев долгую езду на полусогнутых по самому оживленному, как здесь говорят, маршруту, я кое-как поднялся на пятый этаж гостиницы и бухнулся на кровать.

Из тихой, почти деревенской жизни, в толчке старого города, неожиданно переполненного новым содержанием и людей, и машин — я не выдержал.

Выросший в селе, никогда подолгу не бывав в городах. Пожалуй, впервые прожил месяц в Москве, когда поступал в литинститут. Шесть лет подряд ездил туда по два раза на год, и первая неделя всякий раз практически выпадала из московской жизни — болел, или, как говорили мои новые городские друзья, адаптировался к цивилизации.

Сбитый с толку массой срочных поручений, а еще более переменной образ жизни, три вечера я и не помышлял взяться за зеленую папку. Правил письма в редакцию, составлял ответы авторам ненужных для газеты материалов, дорабатывал в соответствии с замечаниями зав. отделом свои корреспонденции, привезенные из районов.

В полночь, закончив все, что считал нужным сделать в этот вечер, я принял ванну и постоял под холодным душем. (Душ и ванна — единственные принадлежности городской жизни были мне по душе). После купанья пил чай. Наверное, это наследственное — после бани у нас всегда был чай. Неожиданно для себя почувствовал желание работать, причем, не вообще работать, а писать свое. Еще со школьных лет научился улавливать в себе это удивительное состояние, когда какие-то до сих пор непонятные мне чувства наполняют душу и хочется писать. В молодости болел стихами, писал их много и, слава богу, никому не показывал и куда не посылал. Потом это прошло, наверное, потребность удовлетворилась, во всяком случае заглушилась необходимостью районного газетчика писать каждый день.

Как-то, готовя материал из родного села о военно-патриотическом воспитании молодежи, я настолько увлекся описанием проводов парней в армию, что редактор, человек от поэзии далекий, совершенно практического мышления, сам пришел ко мне с оригиналом, который вычитывал:

— У тебя статья на серьезную идеологическую тему или запись деревенского обряда?

Я не знал, как отстоять, что было написано именно в том знакомом мне состоянии души, которое пришло снова, вернулось, когда, описывая провода, я вспомнил, как провожали меня. С высоты лет люди снисходительны к молодости, тем более своей, но тогда, еще недалеко и ушедший, я с болью завидовал тому парнишке, стоящему на грузовике и на всю площадь перед памятником коммунарам клятвенно обещающим служить честно и честь сибиряков не посрамить.

Николай Максимович Ольков долгое время живет в Бердюжском районе. Журналист, литератор, общественный деятель. Бердюжане знают его как человека, чьими усилиями и волей воссоздана в райцентре церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Ранее он работал в газетах, в том числе был собственным корреспондентом «Тюменской правды» по югу области, редактировал газету в Казанском районе. Был на партийной работе. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Член Союза журналистов России.

— Выкинь всю эту лирику, она для статьи не подойдет, — вынес приговор редактор. Пришлось соглашаться, хотя кусок этот на три странички с четвертью было очень жаль. Я переживал время безусловного подчинения силе должностного авторитета. Забраванные странички заинтересовали работавшего у нас летуна, как теперь понимаю, неудавшегося писателя. Его повестью в рукописи про охотников и лесников мы восхищались хором, отрывки из нее редактор, сам большой любитель охоты, снисходительно печатал под абстрактным псевдонимом. Аркадий Лукич, как только стал сотрудником в законе, объявил о своей оппозиции редактору, спокойно и аргументированно выступал против него на летучках, чем вызывал наше удивление и восхищение. Однажды он так же спокойно и деловито сказал, что шеф вообще не способен редактировать газету.

— Сядьте на мое место, Аркадий Лукич! — Гневно воскликнул шеф, прекрасно понимая, что тот никак не может стать редактором. — Умник! Да только ум-то дальше вашей головы не идет!

Шеф явно намекал на писательскую непризнанность и неустроенность немолодого уже человека.

— У вас вообще ничему идти некуда, — горько сказал Аркадий Лукич и вышел из кабинета.

Чувства редактора возобладали над чисто человеческими, и шеф простил дерзость молча, без объяснений. Писатель работал у нас еще какое-то время, потом как-то незаметно исчез.

Но он успел крупно вмешаться в мою жизнь. Прочитав те три странички с четвертью, Аркадий Лукич удивленно на меня посмотрел, ловко пробежался по ним карандашом и унес на машинку. Через полчаса передо мной лежал мой рассказ «Проводины». А еще через два дня его напечатала наша газета. Никого не замечавший писатель стал относиться ко мне броско внимательно. Как-то после работы, когда мы были в кабинете одни, он, переживавший, кажется, очередную литературную неприятность, грустно сказал:

— Вся беда в том, старина, что здесь только двое людей пишущих — ты да я.

Теперь я понимаю, что это была сомнительная похвала, но тогда она меня обрадовала.

«Проводины» сослужили мне службу. Все чаще, отбросив рамки газетного материала, я давал волю своим героям, и они, люди, которых я хорошо знал, оказавшись на литературной свободе, жили новой жизнью, уводили меня в такие потаенные уголки своих судеб и дум, что я терялся, не находил выхода, а они неотступно требовали действия. Тогда забрасывал рукопись, ехал в родную деревню, как будто по какому-то поводу организовывал небольшую компанию пожилых мужиков и женщин и весь вечер слушал их разговоры и песни. В те минуты я понимал себя самым счастливым из пишущих, потому что редко кто, судя по публикуемому, имеет такой свободный доступ в никем не охраняемую кладовую простого и бесценного русского слова. Встречи эти мне помогали, после каждой записывал с десятков редчайших, уже забытых слов, которые должны были обрести новую жизнь. Несколькими историями, услышанными здесь, стали рассказами, и я не уверен, улучшились ли они от того, что их записал. Оказалось, что они интересны не только мне, потому что с этими рассказами я был принят в Литинститут. Но два журнала, в которые обратился с дипломной работой, любезно в публикации отказали. Институт закончен, напоминаний не шлет, журналы не печатают. Пьеса «Инициатива» — единственное, что написал за три последних года.

...Итак, ощутив знакомое состояние и боясь его растерять, быстро убрал все со стола и сунулся в тумбочку. Зеленой папки там не было. Двинул ящик стола — пусто. Уже в предчувствии беды мигом перевернул комнату — все на месте, кроме зеленой папки.

Отчаяние охватило меня. Сел на кровать и осмотрел комнату. Сейчас мне кажется это безумием, но я еще раз проверил и тумбочку, и ящики стола, перетряхнул постель, заглянул в портфель, вывернул карманы плаща. Еще боясь признаться себе, что папки нет, я мучительно думал, куда, куда все-таки мог ее засунуть. И вдруг радость захлестнула меня, в том номере! Конечно, я оставил папку в том номере, в котором провел первую ночь.

— Как я сразу не догадался, — с веселым упреком думал я, наскоро одеваясь. Перед дверью номера пришел в себя: там же люди, наверное. Спят, времени-то около часа ночи. Но желание как можно скорее заполучить свою зеленую папку с дорогой мне рукописью заслонило все условности, и я осторожно, но настойчиво постучал в дверь.

— Веруня, ты? — сразу спросил из комнаты женский голос.

— Нет, это не Веруня, но очень прошу вас открыть.

— Одну хвылинку. — Женщина, наверное, одевалась. — Шо случилось? — Полная, энергичная, веселая, несмотря на поздний час, она стояла в дверях.

— Извините. — Волнение мешало говорить. — Я жил в этой комнате и на окне оставил зеленую папку.

— Не бачила я ниякой папки. Мы туточки тилько первую ночку. А Варя, дочка моя, убегла до подруги. Мы из Уренгюю. Вот, цибули накупляли, який здоровый куль!

— Значит, никакой папки здесь не было?

— Не! Як бы була, так тут же и лежала бы. Чужая, так и хай ляжить, иде хозяин поклат.

— А вы посмотрите, может, прибрали куда?

— Та не же! Ну, побачьте сами.

Было неловко рыться в чужой комнате, но стол и тумбочку я все-таки безнадежно открыл.

— Может быть, дочка ваша...

— Та нет! Варя ж почти и не была тута. Как вещи сложили, так и в бега... И шибко важная тая папочка?

Что я мог ей ответить?!

— Очень важная. Для меня.

— Тогда горе, сынок. Ищи. Можя, кто до нас жил, той бачив.

— Извините. Спокойной ночи.

— Ничего сынок. Не тужи.

Лежа в постели, перебирал возможные варианты. Следом за мной кого-то вселили в эту комнату. Человек увидел на окне зеленую папку, посмотрел. Около сотни листов, исписанных мелко, неразборчиво, местами изрядно почерканы. Особого почтения не вызывают. А папка хорошая. Новая, с удобными металлическими зажимами. Выход: бумаги выкинуть, папку положить в чемодан. А может быть, человек проявил интерес к написанному, решил на досуге прочитать и положил в чемодан папку вместе с бумагами? В любом

случае надо найти того, кто поселился в номер после меня... Но это только утром, а сейчас два часа ночи.

А если... И опять маленькая надежда стала расти в уверенность. Конечно! Как я сразу об этом не догадался! После меня номер прибирали, горничная увидела на подоконнике папку, раскрыла ее — исписанная бумага. Значит, кому-то она нужна. Она сдала находку дежурной по этажу, и лежит теперь моя папочка где-то в шкафу вместе с тюбиками зубной пасты, мыльницами, носовыми платками и старыми журналами — да мало что еще оставляют клиенты в номерах!

Дежурная по четвертому этажу, которой я быстро обо всем рассказал, прониклась моим волнением, мы вместе обыскали все шкафы и другие места, куда складывают или могли положить находку горничные. Там было все, кроме моей папки.

— Горничные придут в восемь часов. Может, они вообще не здесь, — на нашем этаже, ее положили? — Видно было, что она сама в это плохо верит.

— А такое может быть?

— Ну почему не может.

— Вы не возражаете, если я здесь буду ждать?

— Конечно, ждите... Я не совсем поняла, это что, ваша пьеса?

— Да.

— Вы писатель?

— Как вам сказать? Пишу. Вообще-то я журналист.

— Все писатели когда-то были журналистами.

Я был благодарен этой доброй участливой женщине за слабые попытки хоть как-то утешить меня, но уверенности в удаче уже не было.

— А про что пьеса? — снова спросила она.

— Из сельской жизни.

— Не про любовь?

— Немного есть. Но больше о порядочности человеческой, о честном отношении к делу, которое поручено.

— А я про любовь люблю. Вы не удивляйтесь. Одинокая женщина, тоска по молодости, сентиментальность.

Как-то на днях попала мне на глаза роман-газета, так, бросил кто-то из клиентов, и в ней большой рассказ «Крик» называется. В нем такая любовь... чистая, такая и в книжках редко бывает, не то что в жизни.

— Я помню эту повесть.

— А вы пишете про такую любовь? Я замаялся.

— Вот-вот, и сказать трудно. Люди богаче стали, а душа бедней. Я с 17 лет в гостинице работаю, уже нагляделась — всякого. Думаете, в те годы не гуляли в гостинице? Тоже гуляли, но как-то тихо, стыдливо. А теперь... В то дежурство подходит ко мне мужчина, четвертную сует, чтоб я женщину на ночь к нему в номер пустила. А сам даже обручальное кольцо снять не удосужился.

— И вы пустили?

Дежурная посмотрела мне в глаза:

— Пустила. Мне за четвертную неделю работать надо. А что изменится, если я буду против? Раз уж он в мыслях согрешил, так много ли осталось?

Пришли горничные. Я искренне пожалел, что прерывается такой интересный разговор, хотя ждал прихода этих женщин. Дежурная позвала:

— Дуся, иди сюда, тебя товарищ ждет.

— Чего надо? — Высокая, еще не старая женщина, темнолицая, с открытой улыбкой, смотрела на меня вызывающе смело. Признаться, я оробел.

— 421-й вы убираете?

— Я. А что?

— Дело в том... — Я тушевался. — Дело в том, что я в ночь на тринадцатое ночевал в этом номере...

— А я тут при чем?

— Не при чем, конечно. Но утром, вернее, в обед, я перешел в другой номер...

— Ну и что?

— Дуся! — Вмешалась дежурная.

— Подождите. На подоконнике осталась зеленая папка. Вы ее не видели?

— Нет.

У меня сердце остановилось.

— На подоконнике. С левой стороны. Вы не могли ее не заметить. Она зеленая.

— Да хоть красная! Вы номер сдали? Сдали. Значит, что нужно — взяли с собой. Остальное я выбрасываю. И не смотрю.

— Не могли вы ее выбросить! Это очень красивая папка, толстая, в ней сотня листов бумаги...

— Чистой?

— Нет исписанной.

— Ну вот. Еще кабы чистая... А если исписанная... Выбрасываем. Все, что остается бумажное. С меня, голуба моя, чистоту спрашивают. А что написано-то в ней?

— Пьеса. Это рукопись, единственный экземпляр...

— По мне хоть роман. Брошен — значит — в мешок.

— Дуся, но папка-то красивая, ты же видишь, что вещь, зачем же сразу в мешок, — вмешалась дежурная.

— Да мне что с нее, что она красивая? Я и смотреть не стану.

— Скажите, вы ее видели?

— Нет. И разговор кончен. Мне все крыло мыть, некогда.

Ничего не оставалось, как идти к администратору выяснять, кто поселился в номере 421 после меня.

— Почему это вас интересует, кто жил в номере 13 августа?

— Я не ожидал такой бдительности, но в нескольких словах объяснил, в чем дело.

— А почему вы оставили ее на подоконнике, если это такая важная папка?

Я уже пожалел, что начал разговор.

— Наверное, торопился... Вы мне помогите, может быть, тот человек увез ее, я с ним свяжусь.

— Эх, гражданин. Администрация гостиницы не несет ответственности за ценные вещи, не сданные в камеру хранения.

— Я не виню никого, кроме себя. Прошу вас, помогите, не все еще потеряно.

Администратор начала перебирать карточки.

— А это пьеса точно ваша? — вдруг спросила она.

При всей серьезности положения я едва не расхохотался.

— Конечно, моя. Это же рукопись.

— А документы на нее у вас есть?

— О чем вы говорите?

— О документе, — спокойно повторила она и отложила карточки. — Если это ваша пьеса, должен быть документ. Авторское свидетельство! — Она обрадовалась, что так вовремя вспомнила.

Дело принимало серьезный оборот. Я пошел в любовную атаку.

— Поймите, это пьеса, а не атомный реактор. Потом, ведь не о ней речь. Мне надо узнать, кто занял номер после меня, в обед 13 августа.

— А почему это я должна выдать вам этого человека? У вас с ним что, счеты? — В голосе администраторши появились угрожающие нотки. — Может, вы его в карты проиграли. Слышите, Мария Антоновна, подошел гражданин и требует, чтобы я назвала, кто жил в номере после него. К чему бы это? Я говорю, может он его того... — ее жест ладонью по горлу был очень выразителен.

— Прекратите эту комедию, что вы, в самом деле! — возмутился я.

— Ты на меня не ори! — По всему видно, администраторша подводила черту нашим переговорам. — Нажрался с утра. Ишь, глаза-то красные.

Подальше от греха, я отошел от окошечка администратора. Из-за перегородки ко мне направилась женщина, которую администратор назвала Марьей Антоновной.

— Вы на нее не обижайтесь, характер у нее тяжелый, да и ваш брат — клиент тоже всякий бывает. А если дело у вас серьезное, то лучше через милицию. Раз она уперлась, так просто ничего не добьетесь.

— А вы не смогли бы...

— Если бы сразу... Теперь нет, не допустит. Я всего лишь кассир.

— Значит, только милиция?

— Уверяю вас, так надежней. А отделение тут рядом, за углом.

...Дежурный лейтенант безо всякого интереса слушал мой рассказ о потере, зеленой папке и амбиции администратора.

— Чего же вы от меня хотите? — наконец спросил он.

— Я не знаю, но надо, чтобы администратор дала мне справку о том, кто жил.

— Понятно. Для чего?

— Я свяжусь с этим товарищем...

— Ну?

— Что — ну?

— А потом?

— Узнаю, может быть он взял эту папку.

— А если не взял?

— Буду искать дальше.

— Где?

— Послушайте, лейтенант...

— Товарищ лейтенант.

— Да, конечно, извините, товарищ лейтенант. Помогите мне узнать адрес этого человека.

— Фамилия?

— Я не знаю.

— Ваша фамилия!

— Господи! Зайцев. Зайцев моя фамилия.

— Так. Сержант Воронцов, запиши существо дела. У гражданина писателя Зайцева исчезла пьеса под условным названием «Инициатива» в гостинице «Колос» 13 августа сего года. Так. Зайцев... Что-то я среди писателей такой фамилии не знаю. Вы еще не очень известный писатель, не так ли?

— Вы угадали. Я совсем неизвестный.

— Естественно, гражданин Зайцев. Насколько я знаю литературу, во все времена и у всех народов ее творили великие люди. Одни имена чего стоят: Достоевский, Шекспир, Толстой, Стендаль. А вы — Зайцев. С такой фамилией, уважаемый гражданин Зайцев, вам в нашей литературе делать нечего. Давайте, мы придумаем приличный псевдоним, этакую литературную кличку.

Меня взорвало.

— Коль вы знаток и ценитель литературы, уважаемый гражданин лейтенант, — уважение было на грани ненависти, — то, конечно, знаете, что литературу делают люди, а она в благодарность создает им великие имена. Не будь Анри Бейля, и вы никогда не узнали бы имени Стендаля. Это истина. А по существу дела вы мне можете помочь?

Моя дерзость смутила интеллигентствующего лейтенанта.

— Ждите, я через пять минут буду.

— Куда это он? — спросил я сержанта.

— Советоваться. Сходит к замполиту, получит добро и вернется. А вы можете мне на один вопрос ответить?

— Хоть на десять. Я же в милиции.

— Нет, это по другой линии. Охота узнать, сколько платят писателям?

— Есть государственные расценки.

— А все-таки! В рублях.

— Так мы ни до чего не договоримся.

— Ну вот за эту книжку сколько ему дали? — сержант протянул роман известного писателя, которого я не терпел за умение писать то, что надо.

— Я бы дал ему лет пять для начала. Сержант удивленно вытаращился.

— А издательство, судя по тиражу, заплатило тысяч пятнадцать, не меньше.

Сержант не поверил, это я сразу понял. Он взял книгу и стал ее листать как-то бережно и боязливо, будто те пятнадцать тысяч были разложены между листами.

— Да, брат ты мой, и за что платят! За то, что пишет! Да нынче все грамотные и все могут писать. Так у государства и денег не хватает. Все пишут, а читать кто будет? Некому читать-то, вот смехота! Тут только на дежурстве и считаешь, если спокойно... А вы потеряли — это на сколько? В рублях.

Хотелось послать его далеко-далеко, но обострять отношения было не в моих интересах.

— Не много, — сказал я, чтобы не раздражать аппетит младшего комсостава.

— А все-таки! — сержант даже привстал.

— Тысяч на пять, — сходу соврал я.

— Почти «Жигули»! Стоит искать. Ты, Зайцев, не попускайся. Если лейтенант ничего не решит, я сам с тобой пойду. Мы этого проходимца на краю земли сыщем.

— Никакой он не проходимец, это единственная моя надежда. Я молился бы на него, если бы он увез папку и сохранил ее. Потому что в другом случае ее просто выбросили.

— Куда?

— Не знаю. В мусор.

— А мусор куда?

— Стоп! На свалку.

— А где свалка?

— Я понял. Черт! Где же лейтенант?

— Значит так. Беги в гостиницу, стой рядом с администратором. Я все устрою. Это по первому варианту. А по второму надо набросать планчик. Беги, Зайцев, точно тебе говорю.

Я побежал. Еще не подошел к окошку, а уже увидел улыбку администратора.

— Давно бы так, товарищ Волков. Я ведь тоже при служебных обязанностях. Вот, позвонил генерал, просил вам помочь. Нашли мы вашего сменщика по номеру: Глазун Александр Иванович, инженер, город Челябинск. Тут я и адрес, и место работы списала. И телефончик служебный.

Я схватил бумажку как спасение.

— Фамилия генерала случайно не Воронцов?

— Воронцов!

— Молодец.

— Еще какой! Хоть генерал, а голос молодцеватый.

С бумажкой я побежал в номер. На ходу вспомнил, что ждут в редакции, времени уже одиннадцать часов, а у меня перепечатки, которые могут пойти в номер. Заказал Челябинск. Позвонил в редакцию.

— Никаких объяснений не принимаю,

— выслушав меня, ответил заведующий сельхозотделом. — Пьесы ты можешь писать и терять в нерабочее время, а поскольку ты на стажировке, то будь добр стажировься. Ты что, в самом деле потерял пьесу?

— Нет, я пошутил.

— Послушай, ну как можно! Я двадцать лет работаю в газете и ни разу не потерял ни одного черновика, не говоря уж про блокноты. Я все храню. Представь себе, у меня богатейший личный архив.

— Когда будешь великим, Толя, ты облегчишь работу своим биографам. Если дело не терпит, пришли курьера, я все выправил еще до встряски, сам приехать не могу, заказал Челябинск.

— При чем тут Челябинск?

— Долго объяснять. Есть надежда, что пьеса там.

— В Челябинске? Старик, ты спятил. Кто ее туда выслал?

— Толя, я все объясню, когда приеду. Ты пришлешь курьера?

— Нет, терпимо. В общем, приезжай, расскажешь подробнее. Ужасно интересно. Ну, чао!

— Чао! Подлец, хоть бы притворился!

Длинные гудки межгорода сорвали мою злость.

— Челябинск берете? Номер на проводе.

— Алло! Челябинск! — заорал я.

— Да. И говорите спокойно, потише, я вас хорошо слышу, — приятный женский голос.

— Здравствуйте, извините, пожалуйста, мне нужен Александр Иванович Глазун, инженер.

— У нас такой не служит.

— Как не служит, — испугался я.

— Он только что был в Тюмени в командировке и оставил в гостинице этот номер телефона как свой служебный.

— Все верно, но это я, Александра Ивановна Глазун.

— Простите меня, ради бога, Александра Ивановна, вы вслед за мной заняли номер 421, правда?

— Верно. Вы тоже жили в этой камере?

— Да, да, камера, а не номер.

— Нам с вами одинаково не повезло.

— Но я только ночевал.

— А я и ночевать не стала. К вечеру выбила другое место.

— Вы не видели на подоконнике зеленую папку?

— Нет, а что случилось?

— Это важная папка. В ней рукопись моей пьесы, единственный экземпляр.

— И она пропала?

— Если вы ее не взяли.

— Бог с вами, как можно! Почему вы так решили?

— Потому что это последняя надежда. Раз вы ее не взяли, значит ее выбросили в мусорный ящик.

— Но ведь там люди!

— Конечно, Александра Ивановна. Значит, вы мне ничего утешительного не скажете...

— Тысячи моих слов вас не утешат, я думаю. Папки я не видела, точно. От безделья я стояла у окна, довольно долго смотрела на город. Я впервые была в Тюмени. Нет, это абсолютно точно, если бы папка была на подоконнике, я бы ее непременно заметила. Вы мне верите?

— Да, конечно верю.

— Только вы не отчаивайтесь. Слышите? Вы, наверное, начинающий писатель?

— Долго начинающий.

— Вы только не отчаивайтесь. Вспомните историю: многие великие теряли свои рукописи. Сколько вам лет?

— Уже тридцать.

— Послушайте, мы с вами ровесники. Не скисайте, у вас голос упал. Вы меня слышите?

— Да, конечно.

— «Конечно!» Что за тон! Как ваша фамилия?

— Зайцев. Федор Зайцев.

— Отличная фамилия. Вы будете самым крупным зайцем в нашей литературе. Я в это верю. Не теряйтесь. Очень жаль, что ничем не могу помочь.

— Спасибо вам. Извините.

— Да бросьте вы! Телефон мой не теряйте. На премьеру не забудьте пригласить. До свидания.

— Всего вам доброго!

В Челябинск положили трубку. Какой приятный голос. Наверное, сильная женщина, уверенная, дерзкая. Ровесница...

В дверь постучали. Новая дежурная смотрела на меня виновными глазами.

— Ваша папка потерялась?

— Да.

— Дуся призналась, что вчера вынесла ее в мусорный ящик.

— Как! Вчера? Но ведь я ушел из номера еще три дня назад.

— Вот, Варя все знает, при ней это было.

Только сейчас увидел, что за ее спиной стоит другая, тоже немного испуганная женщина.

— В тот день, тринадцатого, мусора было мало и горничные не стали выносить мешки. Дуся, Евдокия-то, принесла в дежурку зеленую папку и положила ее на шкаф. Я видела. Только я, конечно, внимания не обратила. Потом, ночью уже, делать нечего, я ее достала, а очков с собой не было, так и не прочитала ничего.

— Но вы ее держали в руках?

— Держала.

— Какая она? Что вам запомнилось?

— Зеленая, корочки плотные, и там такая защелка, железная.

— Стальная.

— Стальная. И много бумаги зажато.

— Чистой? (Господи, может не та!)

— Нет, исписанной. Но я не читала.

— А что вам бросилось в глаза, на первой странице, может быть, что-нибудь необычное?

— Черта во весь лист, слева, снизу доверху.

Сердце мое заколотилось: она.

— А потом, потом!

— Сегодня на смену пришла, слышу — разговоры про зеленую папку. И Дуся какая-то развеселая. Я ее спрашиваю: «Дуся, говорю, не ту ли папку ищут, что на шкафу лежит? А она отвечает: «Кабы лежала. Я ее вчера вынесла». «Зачем, говорю, ты, ведь такая сердечная папочка». «Ну и черт, говорит, с ней, пусть не бросают».

Сомнений не оставалось. Помню, что мне стало плохо, я поблагодарил женщин и запер дверь. Только сейчас понял, как устал. Сил не было даже раздеться и прямо в костюме лег на кровать. Странные чувства охватили меня. Я вдруг всем сердцем ощутил, что потерял людей, которые жили и действовали в этой пьесе, которых придумал, сочинил из десятков знакомых мне ранее и которых поставил в трудные обстоятельства. Неловкие, слабые поначалу, они потом обретали силу, мучились, страдали, возмущались и каждый как умел отстаивал свою позицию в отношении к инициативе, с которой было поручено выступить их сохвату. Секретарь парткома Головачев, капитан Головач, фронтовик, кристальный человек, страдающий от своей честности; директор совхоза Абрамов, хозяйственник до последней косточки, ради интересов совхоза готовый пойти на любую авантюру и планирующий эту инициативу использовать как способ кое-что дополнительно выкроить для хозяйства; механизаторы Паша Лукин, Олежка Дребезгов; дорогой моему сердцу балагур и шутник Кузьма Романович, во всем сомневающийся старик, беспокойный и справедливый; и тетя Поля, уборщица совхозной конторы, которая открывала и закрывала пьесу своими простосердечными рассуждениями о суете мира и о дефиците человеческой доброты. Они год жили рядом со мной, мы спорили и находили решения, мы вместе смеялись шуткам Кузьмы Романовича и грустили, когда намекнулось, что молодой Кузьма был влюблен в Полюшку, а вот жизнь прожили хоть рядом, да врозь. Мы вместе искали честный путь к инициативе и каждый на отношении к ней проверил себя на честность, на порядочность и на совесть.

Теперь я потерял их всех разом. Слезы душили меня. Никогда столько горя не было на моем сердце.

Тут, наверное, я немного уснул, потому что, услышав телефонный звонок, долго не мог очнуться. Схватил трубку.

— Зайцев? Генерал Воронцов. Ну, как дела?

— Плохо.

— Что, не дали адрес?

— Все есть, но ничего уже не надо. Горничная призналась, что папку она выбросила в мусорный ящик.

— Вопросов нет. Быстро спускайся вниз, я сейчас подъеду.

— Зачем?

— Я нашел ту контору, которая от вашей гостиницы мусор отвозит. Далее. Нашел водителя, который лично вывозил на мусорку твою пьесу. Тыфу, черт, то есть, я отдаю пьесу от мусора. Значит так, его номер 11-09. Едем в автобазу, ищем шофера.

— Зачем, сержант?

— Дай ты мне хоть часок побыть генералом. Спускайся!

Холодная вода кое-как освежила. Поймал себя на том, что боюсь надеяться. Это так больно — терять надежду. Уж лучше съездить просто, без всякого расчета. Думать о худшем, тем слаще будет лучшее. Нет, никаких рассуждений, еду просто так.

Милицейский УАЗик стоял у подъезда. Я сел. Воронцов тронул машину.

— Ты почему почернел, Зайцев? — уже без бравады спросил он.

— Не должно быть.

— Видок у тебя... Едем в базу.

Машина неслась по главной улице. Август — хорошая пора для города. Не очень жарко. Зелень омыта ночным дождем. Горожан он радует: нет пыли. В деревне эти дожди центнерами смывают урожай, исподволь готовят затяжную уборку. Их не любят. Вот и разберись, а ведь все — советские люди. Я наверное улыбнулся этому выводу, потому что Воронцов ухватился за возможность поговорить.

— Рано отбой играть, Зайцев, надо до конца бороться. А как иначе? Ты думаешь, я тебе из-за того помогаю, что дорого стоит пьеса? Ничего подобного. Парень ты путевый, понравился мне. А если мне человек понравился, я в лепешку расшибусь. И тем более — писатель. У нас, верно, все грамотные, надо еще, чтоб настоящие были писатели. Понял?

— Понял, Воронцов, спасибо тебе.

— Так-то. Приехали.

Это было какое-то спецавтохозяйство, занимающееся очисткой города. Столько «мусорных» машин я никогда не видел. Сколько же сраму производит город, если нужно содержать такой парк, чтобы вывозить. Горы мусора... С трудом заставлял себя отвлечься, потому что эти горы представились мне штабелями зеленых папок.

Сержант тем временем воевал в диспетчерской.

— Еще раз даю вводную: машина 11-09, гостиница «Колос», вчера, вторая половина дня. Вон сколько! Тебе же нужно сказать, где водитель.

— Господи, запутал совсем, — молоденькая диспетчерша кое-как пришла в себя. — Да вон он, у гаража, только что заехал.

Я тоже увидел эту машину и почти побежал к шоферу.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Вчера гостиницу «Колос» вы обслуживали?

— Вчера? Да, я. Что-нибудь не так?

— Нет-нет! В ящике вы не заметили зеленую папку?

— В мусоре? — уточнил водитель.

— Да, в мусоре.

— Вы знаете, я столько контейнеров перевожу, в каждом рыться не будешь.

— Конечно, но может случайно...

— Нет, честно говорю, не видел. Что-то важное потеряли, документы или как?

— Очень важное. Пьеса там была у меня.

— Ишь ты! — испугался водитель.

— Вот ведь как, знать-то — не грех бы и посмотреть.

— А там, где вы сваливаете, мусор... там...

— Ой-ой-ей, не знаю, что и сказать. Вы вот что. Вы с милицией? Дайте-ка, я с вами. Вот ведь беда-то!

Шофер, мужчина уже немолодой, с солидной сединой, так искренно расстраивался, что мне пришлось его успокаивать.

— В прошлом году был случай, с одного магазина связку с документами вывезли. Хватились, а им всем тюрьма улыбается без этих бумаг. Три дня — отпуск без содержания, и мусор рыть. Своими глазами видел, как они связку эту целовали. Тыфу!

Место для свалки выбрано удачно. И от города недалеко, и в низком месте. Огромное поле, покрытое курганами. Через него — дорога.

— Мусор у нас закапывают. В траншеи трамбуют и курган сверху. Так воздух чище, — пояснил водитель. — Вот сюда правь, к трактору.

Чумазый тракторист, человек в больших годах копался в моторе, увидев прибывших, а более того — милиционера, он нехотя спустился с гусеницы. Суть дела ему изложил наш новый знакомый.

— Искать поздно. — вынес приговор тракторист. — Поздно, это я вам говорю. Сегодня полста машин работают, сделали по три рейса. И все в одну траншею. Даже если бы не трамбовал, и то вряд ли... А я, как назло, утюжу с самого утра. Так что бесполезно.

Я принял это как должное, потому что иного не ждал. Отошел в сторону, закурил. Я прощался со своими героями, которых, кроме меня, не знал никто.

— Здорово переживает парень. Он кто? — спросил тракторист.

— Писатель, — ответил ассенизатор.

— Хороший?

— Плохой не стал бы убиваться.

— А ты, сержант, знаешь его?

— Конечно, — ответил мой генерал.

Кто-то тронул меня за плечо. Обернулся — тракторист. Улыбается.

— Не тужи, браток. Перетерпи. В жизни еще всяко будет. Это я тебе говорю.

Что я мог ему ответить, несостоявшемуся моему зрителю и читателю?

— А раз душа у тебя болит — ты пиши.

Отзывчиво на доброту сердце русского человека. Никогда не забуду горькие поминки на городской свалке, и всех тех людей, которые помогли мне поверить в себя и снова взять чистый лист бумаги, чтобы рассказать, как потерял и как искал пьесу «Инициатива», и как потеря эта обернулась для меня удивительными находками.

Председатель колхоза им. Калинина С. И. Демидов: «РЕФОРМЫ МИМО НАС ПРОНЕСЛО...»

Молодой, здоровый и красивый, он полностью соответствует тому представлению о председателе колхоза, которое навевали нам послевоенная литература и кино. Он ходит крепкой ногой, с людьми говорит, глядя прямо в глаза, все вопросы решает сразу на уровне «да» и «нет», о деталях потом.

Председателем избран 10 января 1989 года еще по рекомендации райкома, но уже с вопросами, почему не местный. За плечами был Тюменский сельхозинститут, «комсомольская пятилетка» в райкоме, и полгода конкретного директорствования на кирпичном заводе местпрома. А впереди совершенно незнакомый коллектив в 300 человек, село и три деревни, тысячи гектаров земли и тысячи голов скота.

Чтобы не обидеть предшественника, Демидов говорит, что тот работал в полную силу, но хозяйство большое, и проблемы тоже большие. Начал с обновления материальной базы, что-то реконструировали, но в основном строили заново. Единственная в районе ПМК с подрядом до колхоза не доходила, и молодой председатель (ему только что исполнилось 28 лет) создавал бригады, со стороны привлекал по сотне строителей на сезон и успевал освоить до 10 млн. руб. в год.

55 квартир построили за первые годы, автогараж, теплую стоянку для тракторов, откормочники для скота. Или предчувствовал председатель, что зерно со временем будет основой жизни всего колхоза, или другая какая причина, но с первого дня он очень серьезно относился к полеводству. Построили четыре новых зерносклада, две зерносушилки смонтировали, за-

асфальтировали территории складов, подъездные пути к ним.

— Животноводство и в те годы было убыточным, — вспоминает Сергей Иванович. — Но государство покрывало все затраты, потому что надо было кормить рабочий класс. Прибыль мы получали от зерна, и перед «революционным поворотом», в 89—90 годах имели по 800—900 тыс. руб. чистого дохода.

Он с неохотой говорит о перестройке и реформировании сельского хозяйства. Никого он, конечно, не боится, оценок своих не таит, но лишний раз говорить об этом — значит ворошить не самые приятные воспоминания. «Пятилетка как псу под хвост брошена». И они в колхозе обвалили животноводство, потому что не нужно стало молоко и мясо, и если и купят, то по дешевке, то с расчетом «в конце следующего квартала» и натурой. Колхозники забыли, что такое деньги.

— За молоко нам давали масло, за мясо — колбасу. Знаешь, какая шутка родилась? «Кое-кто впервые в жизни колбасы наелся, до этого всю зарплату пропивал». Не поверишь — список составлял, кому в первую очередь рубль выдать. Приходит в кабинет мужик, у него мать, наша вечная колхозница, на смертном одре, а я на погребение не могу собрать. Каково мне?

И далее:

— Вся деревня в России с лица спала, ослабела. Что, все директора и председатели дураки? Вот и приходится делать вывод, что государственная политика в сельском хозяйстве, мягко говоря, «не соответствовала...».

В 1996 году на рынке возрос спрос на пшеницу, а колхоз сеял ее к тому времени до пяти тысяч гектаров, да почти треть по парам, да семена сортовые брал у ученых людей. Стодились тока и сушилки, заработало качественное продовольственное зерно. За него стали платить «живые деньги» (весьма характерный термин из наших времен). Налоги стали вносить, зарплату давать колхозникам. Впервые за столько лет новый трактор купили. «Правда, за ололицу встречать не ходили, как в тридцатые годы, но тихая радость была».

Когда в район приехал сбежавший из «цивилизованного» Казахстана русский агроном Виктор Владимирович Новокрепцов, он обратил внимание на качество зерна, которое продавал колхоз им. Калинина как продовольственное. И он посоветовал Демидову всерьез заняться доведением этого зерна до уровня высококачественного семенного материала. А цены на него совсем другие.

Демидов идею воспринял сразу, вместе со своими специалистами все просчитали и занялись шлифовкой но-

вого дела. За продажу сортового зерна стали получать надбавку. Дальше — больше. Заключили договор с ЗауралНИИСХозом, покупали у него по тонне — две за большие деньги семена только что выведенных сортов, завели свои деланки, сеяли чуть ли не поштучно. И только на третий год полученное зерно становилось товаром. В этом деле нужна система, постоянно работающая схема: вырастил семена элитные, надо вновь обновлять посадочный материал.

В прошлом году колхоз продал в восемь районов области около тысячи тонн семян. Он причислен теперь к касте семеноводческих, включен в областную программу «Семена». Она утверждена губернатором области Л. Ю. Рокецким, отношение которого к деревне Демидову симпатично, четыре года назад он взялся быть доверенным лицом Рокецкого на губернаторских выборах, и они победили.

— К нынешней уборке крестьяне получили 85 процентов годовых дотаций на производство сельхозпродукции, ну как не сказать спасибо губернатору?! После нового года намечаются выборы губернатора, я думаю, что деревня вполне осознанно поддержит Рокецкого.

Колхоз получает за каждую тонну семян согласно той программе приличные деньги. Итог: прибыль два миллиона рублей.

— Деревня могла жить и весело, и богато, если бы закончилась чехарда с ценами на металлы, на ГСМ, на электричество. А при нынешнем «вялотекущем» росте прибыль проходит как сквозь пальцы.

Как и всякий человек, Демидов хочет большего, но и сейчас можно сказать, что колхоз им. Калинина — хозяйство, крепко стоящее на ногах. Оно дает работу людям, платит за труд, помогает старикам и заботится о детях. Председатель колхоза и глава местной администрации работают «парой» на зависть другим главам, которым и «спариться-то» не с кем, все колхозы и совхозы реформированы. «А как ты хочешь, если у нас люди одни и те же?».

Демидов никому не рассказывает, как он устоял. Давили. Критиковали. Называли консерватором. Он все пережил вместе со своими колхозниками, и теперь считает, что реформирование пронесло мимо них, как тучу мороком. Они остались колхозом им. Калинина. Единственным в районе хозяйством в «советских» границах. Они даже бюст «всесоюзного старосты» оставили у правления. Пусить стоит. Он есть-пить не просит. Он уже история.

Н. ОЛЬКОВ.

На снимке: пшеница созрела,
С. И. Демидов (слева)
и бригадир Н. Р. Данилов.

Россия — дом Пресвятой Богородицы

Державная икона Божией Матери
Из храма Святителя Николая в Хамовниках в Москве

Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский Человек! Перестань безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам и России.

Святой праведный о. Иоанн Кронштадтский.

На этой старинной фотографии запечатлен Богородице-Рождественный храм села Бердюжья, построенный на народные деньги в 1843 году и разрушенный в 30-х годах нынешнего уходящего века. Как свидетельствуют документы, храм представлял из себя трехглавый собор размером 30х15 метров. Кроме основного престола Рождества Пресвятой Богородицы, храм имел два придела с алтарями: левый — Ильи Пророка, правый — Николая Чудотворца. Такой храм мог иметь колокол в 200 пудов.

Это был редкий в своем роде, уникальнейший храм в России. На его месте сегодня стараниями православной общины Бердюжья (председатель приходского совета Н. М. Ольков) построена и работает деревянная церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Памятка русскому человеку

О демократии

Два понятия — демократия и правовое государство — чужды русской православной душе. Они никогда у нас не приживутся, какой бы силой народ в это стойло не пытались загнать.

Ну что такое демократия?

Вроде бы само по себе это слово неплохое. Демос — народ, кратия — власть. Однако исторически оно всегда на практике означало диктат меньшинства большинству.

Даже в Древней Греции, откуда само слово происходит, оно касалось лишь восьмидесяти тысяч свободных граждан из общин 240 тысяч человек населения страны.

В Священном Писании — кладезе человеческой мудрости — это слово употребляется три раза.

Первый раз — когда правверный Лот с дочерьми убежал от разъяренной толпы, которая с кольями, камнями и дубинами гналась за ними, чтоб растерзать. Именно эту разъяренную толпу Священное Писание называет демократами.

Второй раз это слово употребляется, когда Пилат, выйдя на балкон, говорит разъяренной толпе об Иисусе Христе: «Се человек, я не вижу в нем вины», а разъяренная толпа иудеев кричит: «Распни его, распни!» И с пеной у рта требует казни. Эту толпу Священное Писание тоже называет демосом, демократами.

В третий раз это слово употребляется, когда Иисуса Христа ведут на казнь. Он несет свой крест на плечах, и разъяренные иудеи тыкают его щелками, таскают за волосы, плюют ему в лицо. Их Священное Писание тоже называет демократами.

В русском языке никогда это слово не приживалось, и внедрялось в конце прошлого столетия лишь той оголтелой частью населения, которая отошла от Бога и хотела зрелищ и великих потрясений.

Россия стояла на соборности. Я — за соборность.

Соборность — это и есть то, что в лучшем смысле в принципе может когда-нибудь с веками выразить понятие демократии.

Соборность — это внимание к мнению других. Разумный подход и выстраивание концепции с учетом того, что есть реальное и что возможное. Это отсутствие какого бы то ни было диктата со стороны меньшинства.

А сегодня демократия как раз превратилась в диктат меньшинства. Олигархи-евреи захватили почти все каналы ТВ и выясняют перед всем православным миром личные отношения между собой.

Это и есть их демократия — ветхозаветная, иудейская, но к нам, русским, она никакого отношения не имеет.

Мы против такой демократии.

Вторая химера, которая через Конституцию РФ внедрилась в учебники по праву и в сознание народа, — это необходимость построения правового государства — некоей Вавилонской башни: мы примем законы, они все урегулируют и проблемы жизни общества будут решены.

Наивные расчелеть!

Правовое государство уже было однажды на нашей брэнной земле. Оно было великолепно отточенным, филигранно выписанным, с огромным аппаратом слежки за тем, как соблюдается закон.

Это правовое государство называлось ветхозаветный Израиль, и умные люди, в частности правверные иудеи, уже тогда прекрасно понимали, что исполнение ветхозаветного закона не приведет к стабильности, к благосостоянию, к умиротворению души да и просто невозможно.

Но столь велика была сила закона, столь детально регламентирована была каждая минута ветхозаветного иудея, а вместе с ним и всех остальных, кто населял это государство, что отменить или посягнуть на какую-то ревизию закона означало бы уйти из жизни. Любой, кто бы замахнулся на изменение существующих законов, был бы подвержен ostrакизму и физическому уничтожению через побитие камнями.

Поэтому в том древнем обществе и возникла мысль, что изменения должен приносить только Бог.

То есть должен прийти в мир Мес-

сия, который поможет разубить гордией узел и вдохнуть в реальную жизнь не сухой закон, а то, что помогало бы человеку жить.

В правовом государстве страдал и раб, и господин, и власть предержажие.

И действительно, по молитвам людей Бог явился в мир, и нечеловеческая сила дала Новый Завет, то есть новый договор людей с Богом.

Господь своей силой отменил самые страшные пути, которые стягивали всю древнюю цивилизацию. Он пролил любовь — не око за око, а прощение личного врага. Он отменил то, что страшной тяготой было для женской половины населения. Когда фарисеи спрашивали, ищущая Христа, возможно ли человеку разводиться с женой, поскольку закон разрешал это делать, и получался диктат мужчины, женщина была в страшно тяжелом положении в древнее время. И Господь сказал: «Оставит Человек отца и мать, прилепится к жене и будет двое одна плоть».

То есть он показал, что женщина равна мужчине, что брак свят, что не должно быть разводов.

Масса других положений на бытовом уровне, и особенно в духовном плане, были даны Господом, и в истории человечества началась новая эра...

И теперь господа властители, не разобравшись в существе дела должным образом, толкают нас в древнее стойло правового государства.

Спасет Россию общенациональный поступок!

И, думаю, общенациональный поступок народа нашего будет замечен Богом.

И Господь протянет свою десницу, и защитительный удар Его будет настолько мощным, что слуги Сатаны, которые сейчас, как блохи, висят на теле России, будут низвержены в преисподнюю.

И будет так!

Аминь!

Михаил Кузнецов,
доктор юридических наук.
(«Завтра», № 313).

«А катаклизмы продолжаются...»

«Когда ты видишь смуты и войны или иные бедствия, не думай, чтобы все сие было простым, обычным явлением сего временного мира, или произошло от какого-нибудь случая; но знай, что бедствия попускаются волею всемогущего Бога за наши грехи, дабы согрешившие приходили в чувство и исправлялись. В начале Господь вразумляет нас грешных малыми наказаниями; если же мы не исправимся, тогда Он посылает на нас большие наказания, как некогда на израильтян. Ибо что попустил Господь на тех, кто не захотели исправляться от вервий бича Христова. Наказания малые, которые Господь попускает в начале, суть следующие: мятеж, голод, внезапная смерть, междоусобная война и тому подобное. Если же такими наказаниями грешники не вразумляются, тогда Господь посылает на них жестокое и тяжкое наказание иноплеменников, чтобы хотя в сем великом бедствии люди могли прийти в чувство и обратиться от путей своих лукавых. Так было и с нами, со всей нашей землей Российской. Когда мы своим злым нравом прогневили благость всемилостивого Бога и сильно оскорбили Его милосердие, прийти же в раскаяние, уклониться от зла и творить благое не захотели, — тогда разгневался на нас Господь праведным гневом Своим и восхотел наказать нас на наши беззакония лютейшею казнию. И вот Он попустил тогда прийти на нас безбожным и жестоким варварам, называемым татарами. Они победили русских благоверных князей и сокрушили их войско; все города они разорили и землю Русскую опустошили, мечом и огнем, ибо никто не мог сопротивляться тем безбожным полчищам, коим за наши грехи предал нас Бог. Вся земля Русская представляла тогда скорбное зрелище: места, населенные прежде людьми, — города и села, — стали пусты, а где прежде жили дикие звери, там водворялись люди, укрываясь от варваров. Это было в 6748 г. от сотворения мира, а от Рождества Христова в 1240 году. Города Чернигов и Киев и другие укрепленные города и княжества были совершенно разорены руками христоненавистных врагов, именитые граждане погибли от меча нечестивых — одни были убиты, а другие отведены в плен. Благолепные Божии храмы были осквернены и сожжены...»

Из книги «Жития Святых», изд. 1700 г.

Тимофей Павлович Кузин человек необыкновенный, человек живого ума, отличной памяти, неутомимый, деятельный, он известен и уважаем в Тобольско-Тюменской епархии, как радетель православной веры, ее защитник и хранитель. В восемьдесят лет он выстроил в селе Уктузи храм иконы Казанской Божьей Матери и сегодня является старостой этого храма.

Для «просвещения умов» Тимофей Павлович предложил редакции «ТЛ» опубликовать в «ТЛ» небольшую отрывок из «Жития Святых». Публикуя эту пространную цитату из «Жития», мы попросили Тимофея Павловича ответить на вопрос: «Как вы видите наше общество сегодня, что же с нами происходит?»

Вот его ответ:

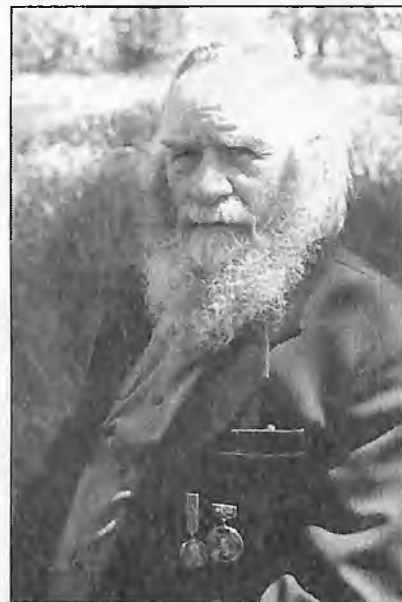
— На протяжении истории рода человеческого, когда народы, племена и языки отрицали силу Творца Вселенной, в первую очередь начинает теряться семейное бытие. Разрушается общество, оно теряет силу, чтобы организоваться и прийти к миру наилучшему. В это время проявляется больше зла и интриг, падает духовность. На протяжении моей долгой жизни, в течение восьмидесяти лет, я помню, как все происходило. Отречение от Бога началось в 1917 году. Народы сразу стали терять совесть и всякое понятие друг к другу. Любовь стала падать и началось разрушение общества. А в такое общество вклиниваются враги обязательно, они этим моментом пользуются. Вот раскулачивание. Спрашивается: кого ссылали, зачем? Это же добрых людей ссылали, которые кормили народ, держали его в руках дисциплины. Не понравились эти люди, уничтожили. А к чему пришли? Пришел 21-й год и страшный голод. Десять лет прошло, снова голод. Десяти лет не прошло — война, голод. Да что еще нужно, чтобы понять все? Ясно, что когда пошло разрушение хра-

мов, всех добрых учреждений, мы потеряли все. Люди гибли. Гибли и враги, которые это учили. Яма не прекращала наполняться покойниками. Отречение от Господа Бога, от всех его справедливых десяти заповедей, нас опять приведет в тупик.

Сейчас, на данный момент, верующих нет. В церковь ходит от пяти до десяти человек от тысячи. Это мизер. Кто же защитит? А на этих хулиганских выходках, на пьянке, на блуде, на наркомании мы далеко не уедем. Не пора ли обратиться к Богу, как обращались Кутузов, Суворов, когда у них что-то не получалось: «Господи, вразуми меня, что делать?!» И разум к ним поступал. Не пора ли подумать этим всем депутатам, которые там — в Москве! Ведь они от блуда приходят на заседания. Откуда может быть разумение?

Вот новая власть пришла, от Ельцина избавились... Ну и что? А катаклизмы продолжаются. Еще в большей степени. Тем самым Господь попускает до этих бед, чтобы пробудить народ. Но я не вижу, чтоб народ пробуждался. Я беру своих районных... К нам в две церкви приходят самые униженные, самые малые, самые бедные. Редко кто придет с образованным пониманием. А чиновники и глядеть не хотят и слушать не желают. А ведь в них дело. Взять время Петра Первого. Он тоже был разлагатель. Но когда образовался, стал ходить в церковь. А если он вышел, то и чины выползали. Так бы и у нас сейчас. Но никто из чинов в церковь не ходит. Где же взять силу? Если чины не хотят обратиться к церкви, к Богу? Где малосильный человек возьмет силу? У него ни средств, ни ума... И президент не скажет: «Граждане, братья...». Или: «Господи, вразуми нас, что нам делать?» Не скажет.

Одно бедствие проводим, другое вот оно!

Т. П. Кузин.

Я пять лет назад говорил в Уктузе нашим чинам — Шумилину, Победоносцеву, Чалкову: «Вот что будет — не успею похоронить одних, как другие будут». — «Этого не может быть!» Я им говорил, что вокруг все разрушится. А они мне: «А кто будет разрушать, ломать?» — «Вы же и будете ломать!» И разломали. Я не ломал и сосед не ломал. Они пришли и сказали: «Ломайте, берите...» И сами брали больше других и теперь всем пользуются. А у меня ведь ничего нет. Но я живу своим трудом, собственным. У меня в доме, ты же сам видел, ковров нет, машин у меня никаких нет. По заслугам военным я пенсию получаю хорошую, мне достаточно, но роскоши я никакой не веду. А современные чины они вылупились, дома построили хорошие. Зачем они вылупляются? Они ведь знают о том, что было у нас и хорошее при Советской власти. Но его, хорошее, не могли удержать... Им советские порядки не понравились, давай изменять. Изменили. Но не надо вылупляться, большие дома для себя выстраивать! Это они на себя навлекают гибель. Этим самым. Народ-то понимает ведь, что творят. У нас ведь нищеты много, обобранных много, голодных много. А они чего вылупляются в этот момент?..

Почему в Петербурге 125 человек расстреляли? Торгашей. Щелкают ведь за что? А недовольны ими. Значит, плохое у них разумение. И чиновники не приобретают разумения у Господа Бога: «Господи, вразуми!» Да ты сначала накорми рабочего, потом поешь сам...

Вот порог церкви. Ни разу не зайдут. не поинтересуются, как сделано? Умственные способности, я признаю, у людей пали. Повседневный алкоголь, табак... Ни в коем случае разум не повысится. И род, поколение идет — от этих же, от неразумных...

Уверен: землячеству жить!

Лет семь назад, а точнее — 29 сентября 1993 года, отмечали мы семейный праздник, день рождения дочери Галины. Были и наши земляки-бердюжане, бывшие выпускники Бердюжской средней школы. Порадовались, мол, годы идут, а по-прежнему все верны школьной дружбе, своему району, где родились, выросли.

В тот вечер, помню, я и предложил создать в Тюмени наше землячество. Идея была бурно поддержана, но... продолжения не получила. Спустя несколько лет я поделился мыслью о землячестве с нашим поэтом-земляком, редактором «Тюмени литературной» Денисовым Николаем Васильевичем и директором базы «Тюменьоблбусторга», тоже бердюжанином, Филипповым Эдуардом Сафроновичем, которые меня

инициативной группы с приглашением молодых активистов закрепили необходимость общения земляков в форме организации «Бердюжское землячество». Двести пятьдесят семей, а это более пяти-сот человек изъявили желание вступить в землячество и

встреча близких людей, встреча со своей молодостью... Это надо было пережить, это надо было видеть! А далее?! Ни одного дня, ни одного вечера не обходилось без телефонных звонков земляков-горожан, земляков из Успенки, Каменки, Новотар-

группы художественной самодеятельности, а также транспорт — все было, как надо, на лучшем уровне!

Пришли поздравления от тех, кто не смог присутствовать в земляческом кругу — от С. Г. Котченко, С. Н. Ашихмина, Э. С. Филиппова, Н. Ф. Березина и от Татьяны Дмитриевны Чумаковой. А Н. В. Денисов подарил приглашенным книги стихов и прозы, свежие номера «Тюмени литературной».

Конечно, мы понимаем, что у нас есть молодежь и ее необходимо включать в круг интересов землячества. Словом крепить связи поколений. Молодежь тянется к нам. И мы напоминаем ей о наших замечательных людях, имена и фамилии некоторых, кто живут и работают сегодня в Тюмени, назову: В. И. Ерофеев, Н. П. Демидов, В. И.

заняться активной общественной работой.

Редактор «Тюмени литературной» Н. В. Денисов предложил подготовить общими усилиями специальный выпуск этой газеты-журнала, опубликовать литературные произведения земляков, другие газетные материалы, посвященные делам и людям района, а также вновь созданному землячеству бердюжан в Тюмени.

Идею эту активно и горячо поддержал Юрий Алексеевич Филиппов, ныне директор Тюменского судостроительно-судоремонтного завода, выложил сразу ворох практических решений, в том числе и финансовую поддержку пообещал. Но немного «лирики». Беру это слово в кавычки и вот почему. Многие из нас выехали из района давно, кто-то уже и сорок лет назад, так что порой не просто было узнать друг друга. Одни возмужали, вторые поседели, а третьи просто состарились... Тут и воспоминания, и вздохи, и волнения сердца, и слезинки на ресницах. Так что выйдя из кабинета С. Н. Ашихмина, директора обувной фабрики, тоже бердюжанина, долго не могли успокоиться. Это была

манска, Каскары, Горьковки...

Масса пожеланий, предложений и положительных эмоций!

Накануне празднования 55-летия Победы по областному радио прозвучало поздравление Совета инициативной группы нашим участникам войны. Как было приятно сознавать, что это проявление коллективного внимания к нашим ветеранам, что это поздравление — начало большой и нужной работы, в том числе благотворительной. Да, мы старимся и число ветеранов, пенсионеров будет увеличиваться. Нет, мы пока не можем похвалиться, что смогли как-то улучшить жизненный уровень пожилых земляков, ветеранов. Но проявить внимание к ним, поддержать теплым словом просто обязаны!

Седьмого мая, за два дня до юбилея Великой Победы, чувствовали земляков — участников Великой Отечественной, трудового фронта и просто ветеранов труда. Собрались в просторной столовой профилактория «Волна». И, конечно, гости от души благодарили Юрия Алексеевича Филиппова, который много сделал, чтоб праздник состоялся. Угощения, выступления

Екимов, Н. Г. Берлин. Нельзя забывать многолетнюю работу на благо района, ушедших из жизни — Поповой Антонины Михайловны, Поршевицкова Николая Васильевича. Можно называть и другие имена людей, которые всю свою жизнь отдали людям, жили для людей, для блага Родины трудились...

Землячество намерено крепить связи с родным районом. Связи не только дружеские, но и практические, на пользу всех бердюжан. И они могут вылиться в разнообразные, неожиданные формы.

А коллегам по землячеству пожелаю активности, внимания друг к другу, взаимовыручки и поддержки. Надеюсь на долгую и плодотворную, а главное, нужную нам всем деятельность.

Леонид Третьяков, председатель Совета Бердюжского землячества в Тюмени; председатель общества инвалидов войны и труда Калининского района.

На фотографии Леонид Петрович Третьяков; «Вот какие замечательные цветы и овощи выращиваем на сибирской земле!»

«Деревенька была небольшой...»

Землячество бердюжан в Тюмени обрело свой юридический статус. Зарегистрирован Устав, есть печать, свои банковские реквизиты. Дело — за работой, деятельностью...

«Тюмень литературная» намерена и в дальнейшем рассказывать о людях бердюжского землячества. Многие из них в областном центре люди известные, возглавляют предприятия, организации, работают в сфере культуры, обучаются в вузах.

Сегодня слово Эдуарду Софроновичу Филиппову, генеральному директору ЗАО «Тюменьобувь». Недавно он отметил свое шестидесятилетие.

— Начну с родословной. Отец мой — Софрон Иванович и дед Иван Иванович рассказывали, что пришли они в Сибирь с вятской земли. Жили в начале в деревне Босоногово, а в 1924 когда их на три года освободили от налогов, построили на берегу озера свои дома. Основали деревню Плоское. С этих домов она пошла. Мать моя была с Омской области Называевского района. Приехала в район работать учительницей. Встретились с отцом, поженились... Отец был участником Великой Отечественной войны, воевал подо Ржевом. В сорок втором пришел с фронта тяжело раненый. Мне тогда было три года всего. Поначалу отец был на инвалидности, потом стал работать в колхозе кладовщиком. А мать — заведующей начальной школой и учительницей. В деревне к той поре было уже 32 дома. И вот сейчас этой деревни нет. Одно кладбище осталось, на котором всего несколько крестов сохранилось. Кто может, приезжает, подправляет могилки родичей. А в остальном возле красивого озера, где мы выросли, запустение. Деревня захирела сразу, когда в 63-м умер отец мой, а через год и мать...

Где стояло Плоское? Между Истошино и Мелехино. А точнее, в 15 километрах от Истошино и от Пеганово в двадцати двух. В школу, после окончания начальной в Плоском, ходили в Мелехино — в семилетку. Анатолий Феоктистович Малышкин был директором этой школы.

Детство... Запомнился мне пионерский лагерь в Окунево возле озера Соленое. Красивые, как и у нас, места. Но больше ни в каких лагерях отдыха мне не довелось бывать. Работали — в поле, на сенокосе...

Потом родители переехали в деревню Второе Песьяново, в школу стало ходить поближе. Рано утром в понедельник шли пешком в Мелехино, в субботу возвращались домой. Жили, квартировали у старушек мелехинских. Закончил семилетку, попробовал учиться в восьмом классе Бердюжской средней школы. Заболел и отстал... Решил поступать в Ишимское железнодорожное училище. Поступил. Начали учить нас на помощников машиниста тепловоза, обучили, а потом вдруг стали переучивать на паровозных кочегаров. Закончил. Поработал кочегаром, помощником, призвали в армию. Служил в Приморье в ракетных войсках. Тогда они только начинались, много секретного было. Служба шла хорошо. Был дома в отпуске, фотографировали в знак поощрения у развернутого знамени части. Закон-

чил службу сержантом. Поехал в Челябинск, устроился на металлургический завод. И тут получил известие из дома — тяжело заболел отец. Вернулся на родину, работал в Бердюжье. Отец проболел недолго, умер. Через год скоростижно умерла и мать... Схоронены они в Плоском. На том кладбище, о котором я сказал, что и оно исчезает, как наша деревенька исчезла...

Пришлось уехать из района. Поступил в Ишимский пединститут, а потом перевелся в юридический — в Свердловск. С той поры жизнь пошла как бы другим руслом...

В 1963 году оказался в Тюмени. К тому времени я окончил еще курсы бухгалтеров. Стал работать главным бухгалтером в системе «Главтюменьнефтегазстрой». Создали ОРС, то есть отдел рабочего снабжения УРСа «Главтюменьнефтегазстрой», который занимался обустройством северных месторождений нефти и газа. Начальником главка был Барсуков. Гремели тогда фамилии Муравленко и Барсукова. И мне в 27 лет пришлось, вернее, довелось в ту пору возглавить ОРС. Затем назначили заместителем начальника управления. Хоть и не на буровой, ни на промысле, а принимал участие в освоении Тюменского Севера. Наша задача была — снабжать и кормить северян.

Были и другие руководящие должности, пока не назначили директором «Тюменьобувьторга». С перестройкой мы стали называться ЗАО, т. е. закрытое акционерное общество. Так же самая торговля, но в условиях рыночной экономики. Закупаем обувь — в Германии, во Франции. Сегодня больше берем в Москве, потому что дорого нам растоможка стала обходиться. Но важна расторопность, смекалка, инициатива. Есть свои магазины у акционерного общества, но больше продаем оптом. Большой рынок в северных городах и районах области. Продаем оптом и в южные районы, в том числе и в родной Бердюжский, а также в Омутинский, Исетский, Ишимский...

Конечно, мы все помним о дефиците в прошлые годы. Сегодня о дефицитах и речи нет, все уже начали подзабывать, что это такое. Но... народ сегодня стал много беднее, у людей нет денег покупать хорошую обувь.

Другое — это появилась здоровая конкуренция. Не сумел продать, заинтересовать покупателя, пойдут к другому продавцу. Знаю, что пользуется популярностью наш обувной магазин в Тюмени.

И еще. При социализме мы контролировали обувные фабрики: ишимскую, тюменскую «Восход», фабрику валяной обуви. Без нас они ничего не могли продать. Такая была установка. Сейчас все фабрики самостоятельные. И стараются лучше работать. В том числе и тюменская фабрика обуви, где директором наш земляк Ашихмин. Человек он инициативный, хлопотливый...

Нас, бердюжан, немало в Тюмени. Надо не только встречаться, но и что-то более широкое организовывать: земляческие мероприятия! Есть ведь немало и бывших руководителей из района, они при своем умении всегда должны поддерживать нас. И поддержат — уверен!

Не грех и на родине почаще бывать. У многих, как и у меня, там не только родичи живут, но и дорогие могилы остались. Раньше я частенько бывал в бердюжских краях, сейчас все реже, реже... Но всегда помню, что у меня в Бердюжье и тетка живет Мария Софроновна Филиппова — на пенсии. И здесь у кого-то юбилей подкатывает, многие уже в возрасте и надо к землякам, проявлять внимание...

Но и молодежь не забывать, которая здесь работает или обучается. Чтоб она наши старые традиции поддерживала...

Спрашиваете, что интересует кроме работы? Да, многие бердюжане любят рыбалку, охоту. В детстве, в юности мы рыбачили на Плоском сетами. Так все рыбачат в наших местах. А вот сейчас все времени не достает. Но есть дача, огород, сажаем картошку, выращиваем овощи. Всей семьей. Жена у меня тоже юрист — Лариса Степановна. Сын Андрей и дочь Наташа окончили юридический факультет Тюменского университета. Наташа в палате по регистрации недвижимости работает. Андрей вместе со мной трудится.

Спрашивал Н. Денисов.

Книга эта нужна!

Надежда Александровна Анисимова, учитель краеведения Бердюжской средней школы и одновременно заведующая школьным музеем, вместе с ребятами много лет собирала материалы по истории района. Вчерне пока, но уже готова рукопись книги «Очерки истории Бердюжского района», которую она намерена издать. Хорошая задумка. На домашних полках, на полках библиотек, в школах, учреждениях может появиться нужное справочное издание, где есть сведения о истории заселения местных земель, истории сел, деревень, об участниках гражданской и Великой Отечественной войн, о культурном строительстве и о многом другом. Работа над рукописью пока не закончена. Но есть надежда, что и администрация района поможет осуществить задумку энтузиаста-краеведа.

Надежда Александровна рассказывает: — С 1976 года с благословения директора школы Парасковьи Ивановны Никитиной я веду музей. С того времени и

веду поиск с ребятами. Немало в каникулы совершили мы походов по нашим бердюжским селам и деревням...

Я работаю с ребятами младших классов, у старшеклассников свои краеведы — Галина Александровна Дюкова и Любовь Николаевна Фомина. Вместе с ними и советом музея работаем по разделам. К примеру, история сел, района, области, культурное строительство, человек и природа, экономика.

Немало материалов почерпнули из районного архива. Там есть, например, летопись района с XVII века до 1967 года, написанная Поповой Антониной Михайловной. Оформлен ею же большой альбом с фотографиями.

Помогла и книжка «Очерки истории Ишима», где есть статья о географическом положении нашего района, о трех этапах его заселения. Просмотрели старые подшивки бердюжских газет «Колхозный фронт», «Путь социализма», «Путь к коммунизму», «Наше время».

А в деревнях — живой материал. Хорошие сведения, кстати, собрали об истошинском кусте деревень. Истошинские оказались переселенцами из Смоленской и Могилевской губерний. Бердюжскую Николаевку, сегодня улица Калинина, обживали тамбовцы. А само Бердюжье — пермяки. В Окунево и Зарослом, Кушлуке и Половинном немало выходцев из Харьковской губернии.

Перед войной, в 41-м году, в район прибыли сосланные

немцы Поволжья. Так образовалась деревня Сугатово, которая нынче вот-вот исчезнет... Да, в тридцатых годах в районе было 47 деревень. Многие исчезли прямо-таки на моих глазах, особенно — в пятидесятые, шестидесятые годы.

А в старину заселяли наши места и ярославские и муромские пришлое люди. Собственно, заселение, поначалу служивыми людьми, началось еще при Иване Грозном. В районе сохранилось два городища в окрестностях Уктуза и Орлово.

Отчего произошли названия сел, деревень? В 1943 году, например, образовалась деревня Глубокое. Потому что поселились возле чистого, глубокого озера. Окунево? Оно от фамилии первопоселенца. А, может быть, в озере окуни водились?

Знаете, как село Половинное возникло? Когда-то русские православные люди, освоившие нынешний север Казахстана, но не имевшие своей церкви, шли на богомолье в Ишим. Конным и пешим ходом. По пути ставили заметки-кольшечки. Так вот в Половинном, его еще не было тогда, кольшечек означал половину пути. Потом возникло и село с постояльцами дворами. Далее богомольцы шли проселочными дорогами через — Нестерово, Окунево, Одышку, Дубынку, Грачи... Одышка — явный намек: устали православные. Полднево? Кто-то в полдень сюда пришел!

Узнали мы и о национальном составе населения района. В 1995 году, например, русских было в районе 13 тысяч, казахов 515 человек, украинцев — 194, 173 — немцев, белорусов — 79. Даже ханты-манси 5-6 человек было. Далее по одному-два десятка — чуваша, мордва, удмурты...

А сколько церквей и храмов было в старину в наших селлах? В каждом крупном селе — обязательно. А в Окунево и в Старорямовом по две: мирская и двоеданская. А в самом Бердюжье был величественный собор — три престола!

В музей ребяташки несли экспонаты. Собрали много старых вещей, домашней утвари. Сегодня старушки заходят, подолгу стоят у экспонатов. Смотрят, вспоминают...

Надо завершить работу над книгой, дополнить ее материалами на другие темы. И благополучно бы издать. Очень нужна эта книга!

На снимке: Н. А. Анисимова ведет беседу в музее школы.

Архив — дело государственное

Архивное дело во все времена было делом важным, государственным. В архивных папках собираются документы по всем направлениям жизни. И они всегда могут быть востребованы — и через двадцать лет, и даже через сто лет. Как работает районный архив? Какую здесь можно получить информацию? Об этом рассказывает заведующая архивным отделом Бердюжской районной администрации Галина Филимоновна Карманова:

— Все документы наших организаций и предприятий поступают на хранение к нам. Наша функция — не только сохранность, но и использование этих документов. Обращаются к нам заочники, исследователи, учителя, школьники. Например, сейчас журналист Николай Ольков работает над историей колхоза имени Калинина. Изучает архивный фонд колхоза.

Нередко я сама даю материалы по истории района в нашу газету. Провожу школьные уроки. Чаще всего по теме Великой Отечественной войны: наши знаменитые земляки. Есть у нас фотоальбомы, Книги Почета, что велись в годы Советской власти. Рассказываю о Почетных гражданах района. Их на сегодня девять человек.

О Героях войны рассказываю не только по долгу службы, но и как дочь Героя Советского Союза Филимона Иосифовича Земляных. Его подвиг описан во многих книгах. А как жил он и работал в Бердюжье после войны? Как и на войне, он оставался простым шофером, работал в автоколонне, затем возил на «газике» первых секретарей райкома партии. Заболел, стал работать завхозом в райкоме. До пенсии не дождался. Умер в 59 лет. Скромный был. То, что я жила и воспитывалась в семье Героя, как-то не ощущала. И отец не стремился выделиться.

О войне не любил вспоминать, даже фильмы о ней смотрел тяжело. Конечно, сейчас бы мы многое выспросили, а тогда казалось, не до того было — и нам и ему. Отец встретил 25-летие Победы, в Тюмени их собирали. А 30-летие Победы застало его на больничной койке. Умер 21 мая 1975 года...

Рассказываю о других Героях из района. Григорий Федотович Алексеев на войне был в авиации стрелком-радистом. Вернулся в свою истошинскую школу, где до войны работал. Много лет после войны был ее директором... Гнаровская Валерия Осиповна. Она была эвакуирована к нам из Ленинграда. Работала телефонисткой в узле связи. На войну ушла добровольцем. Посмертно ей присвоено звание Героя. Кстати, мы сейчас разговариваем в доме, который на улице имени Гнаровской...

Мариков Иван Ефимович призывался на фронт из деревни Останино. Был командиром танкового взвода. Погиб при форсировании Днепра... Герой Советского Союза.

Рассказываю о других участниках войны. Помогает альбом о ветеранах, переданный в архив председателем Совета ветеранов Смирновой Валентиной Яковлевной. В альбоме фотографии фронтовиков, краткое описание их боевых заслуг.

Есть у нас фонды конкретных людей. А начали эту работу с фонда документов поэта-земляка Николая Денисова. Сейчас перед нами поставлена такая задача — создавать фонды известных наших людей. Есть еще коллекция документов ветеранов труда. Но не все отдают нам документы. Некоторые почему-то считают, что «это никому не нужно». Напрасно.

В архивном отделе сегодня нас двое: я и Вера Николаевна Матвеева. И люди идут к нам с разными просьбами. Особенно много пенсионеров желают получить соответствующую справку. И они благодарят нас за помощь. Приятно это...

* Земляки *

Увлечение глиною в жизнь

Солнечный свет заливал просторное, даже чуть пустоватое помещение в Доме детского творчества. На столах, на клетчатых досках замерли в четком строю черные и белые шахматные фигурки. Пройдет немного времени — и двери распахнутся, пропуская раскрасневшихся от ветра мальчишек. Он ждет своих учеников — учитель, педагог, наставник.

А как пришло это увлечение к самому учителю Михаилу Емельяновичу Анфиногенову?

— Родом я из Истошино, — рассказывает Михаил Емельянович. — Когда мы учились в седьмом классе, а было это в 1935 году, учитель географии Николай Варфоломеевич Мальцев нам показал шахматные ходы. В школе даже шахматный кружок организовали, но просуществовал он недолго. А мы вдвоем — я и два моих сродных брата — увлеклись. Тогда же, в тридцать пятом году, я принял участие в первом своем шахматном турнире — первенстве школьников района. Брат занял первое место, я — второе.

Сколько было потом этих турниров, — сейчас уже и не сосчитать. Увлечение шахматами Михаил Емельянович пронес через всю свою жизнь — с тех далеких тридцатых годов, с вечерних посиделок за шахматной доской в «красном уголке» Истошинской МТС, где собирались в основном взрослые. И впоследствии, став студентом Ишимского педучилища, а потом и служа в армии, Михаил Емельянович с шахматами не расставался.

Шахматный кружок создал Михаил Емельянович и в Бердюжской средней школе, где проработал, можно сказать, всю свою жизнь. Посещали его исключительно старшеклассники — ученики восьмых-десятих классов. Немало любителей шахмат было и среди учителей-мужчин.

Это увлечение наложило заметный отпечаток на всю жизнь Михаила Емельяновича. Благодаря шахматам он объехал чуть ли не всю страну — от Риги до Владивостока и от Ленинграда до Красноярского края. Несколько раз ему доводилось играть на турнирах в Москве. А в Риге ему довелось играть за сборную России — на командном первенстве сельских шахматистов Советского Союза. Тогда он занял на своей доске первое место, а российский сборная стала второй в командном зачете.

Дважды Михаил Емельянович становился чемпионом Тюменской области — в 1952 и 1957 годах. Дважды выполнял норматив кандидата в мастера спорта — теперь это звание присвоено ему пожизненно.

Человеку, едва знакомому с шахматными ходами, трудно постигнуть привлекательность раздумий над шахматной доской. В чем же все-таки притягательность этой игры, чей возраст измеряется тысячелетиями?

— Во-первых, шахматы — это спорт, это борьба, — отвечает на мой вопрос Михаил Емельянович. — Во-вторых, красота комбинаций — это великое дело! Шахматы — это вовсе не способ времяпрепровождения. Шахматы — это искусство.

Елена Аксенова.

Операция «Волк»

Быль

Случилось это в начале семидесятых, поздней весной...

Старший охотовед районного охотничьего хозяйства Иван Васильевич Хохлов и местный егерь Петр Иванович Филонов возвращались с озера Тундрово, недавно узаконенного как заказник «Тундровский». Цель их поездки была очень важной, по их мнению: сосчитать сколько находится хаток ондатры на озере и гнездовый уток, гусей и прочей дичи.

Хотя представители охотничьего хозяйства и были людьми опытными в этих делах, но провести операцию по подсчету живности без бутылки сопли практически делом невозможным! Поэтому наши герои ехали-возвращались в Окунево — на казенном мотоцикле «Урал» под изрядным тураком.

Поравнявшись с озером Головка, что расположено с юго-восточной стороны села, они вдруг увидели, как в ста метрах от них, впереди, через дорогу метнулась серая тень.

— Это же волк, Петро! — воскликнул Иван Васильевич и так нажал на «газ» новенького «Урала», что голова Петра Ивановича мотнулась назад, едва удержавшись на плечах славного егеря. Волк же, чуя преследование, улизнул в озерный камыш, видимо, затаился. Но охотничий азарт у Ивана Васильевича уже проснулся и ничего тут не поделаешь! Остановив вверенный ему транспорт возле приметного волчьего следа, Иван Васильевич велел Петру Ивановичу ехать в деревню собирать охотников для облавы. Он понимал, что с пистолетом идти на волка, залегшего в высокоом камыше, дело не только безрезультатное, но и опасное. Сам же Иван Васильевич остался дежурить у волчьего следа. Не прошло и полчаса, как из деревни показались группа мотоциклов («жигули» и «москвичи» в ту пору еще не водились) с дюжиной опытных охотников. Конечно, на волков и медведей нашим мужикам ходить не доводилось, но утиных душ да и заячьих загублено было ими немало. Быстро сообразив, что от них требуется, загонщики плотным полукольцом, во главе со старшим охотоведом, размахивающим пистолетом, двинулись в атаку на серого разбойника, крича и улолокая. И, конечно, серый разбойник, будь он постарше и поумнее (а это был, по мнению охотоведа и егеря, всего лишь северный перелярок), давно бы убежал вдоль камыша. Но этот трусливо ждал своей гибели. Однако, при приближении главных сил загонщиков, он бросился в воду и поплыл на противоположный берег. Но не старые еще охотники оказались гораздо проворнее зверя. Не успел он доплыть и до середины озера, как стрелки, быстро преодолев заросли камыша и кочки, ждали зверя в засаде. Оставалось метров тридцать до берега, чтобы доплыть зверю, как у охотников не выдержали нервы (вдруг не успеют убить и зверь набросится!), началась беспорядочная пальба по голове зверя — дробовыми зарядами. Ослепленный, умирающий зверь, долго крутил на одном месте, получая в голову очередную дробовую заряд, пока не затих окончательно. Теперь только мужики стали соображать, каким это образом будут доставать трофей: вода еще слишком холодная, лодки нет...

Лезть в воду никто не хотел: у одного оказались больные суставы, второй с радикулитом, у третьего слабая грудь...

Но все-таки нашелся один — без всяких болячек. Это был Егор Петрович Софейков (в то время просто Гоша), он и сейчас ничем не болеет, разве что стал слабоват к злодейке с наклейкой... Так вот, раздевшись наголо, он довольно резво выволок трофей из воды!

Мужики дружно притащили и положили зверя на приторок у дороги, где стояли и наблюдали картину боя наши славные егеря-полковники. После обильных восторгов — «какой матерый!», «какие у него клыки», «это я его долбанул первым» — Иван Васильевич распорядился положить зверя в люльку мотоцикла, да так, чтобы морда у него торчала как можно выше: «Пусть окуневские бабы поповизгивают от страха!»

Во время этого приготовления наступило некоторое затишье и вдруг все явственно услышали сзади детский плач. Плакал мальчик лет десяти — Ваня Долгушин. Все недоуменно обернулись, а Иван Васильевич сказал:

— Не плачь, мальчик! Он теперь уже не страшен!

Но мальчик заплакал еще громче и с трудом произнес:

— Зачем вы нашего Лапку убили!?

Не веря ушам своим, Иван Васильевич все-таки сказал:

— Что ты несешь, мальчик, это же волк, северный перелярок!

— Ага, как бы не так! — всхлипывая, сказал Ваня. — Вон у него ухо порвано, когда он дрался с собаками!

Все обратили внимание на ухо добытого ими трофея и каждый подумал про себя, как он не заметил этого раньше... Одним словом, воцарилась немая сцена, очень похожая на сцену из комедии «Ревизор».

И через минуту, кто молча, а кто хихикая в рукав, заведя свои моторы, с треском и дымом умчались туда, откуда приехали...

А главные герои операции, не долго думая, выбросив никому теперь не нужный

«трофей», тоже уехали — составлять отчет о проделанной работе в заказнике.

Один Ваня, поплавав над своим мертвым другом, одиноко и тоскливо побрел домой...

И все же... Не хочу уж очень строго судить незадачливых охотников. Без таких вот «случаев» — действительных или выдуманных — и такое случается! — жизнь наша в деревне была бы просто серой прозой обыденного существования.

Николай Каргаполов, с. Окунево.

Охотники на привале

● Памятка русскому человеку

Завещание

фельдмаршала Александра Васильевича
Суворова, графа Рымникского,
князя Итальянского (1730—1800)

Чудо-богатыри, покой, опора, слава Отечества — с нами Бог. Молись Богу, от Него победа. Пресвятая Богородица, спаси нас. Святителю отче Николаю, моли Бога о нас. Без сей молитвы оружия не обнажай, ружья не заряжай, ничего не начинай. Всякое дело начинать с благословением Божиим. До издыхания будь верен Государю и Отечеству. Избегать роскоши, праздности и корыстолюбия, искать славу через истину и добродетель. Дух укрепляй в вере отеческой, православной. Безверное войско учить — что перегорелое железо точить. Что дерево без корня, то — почитание ко власти земной без почитания ко власти Божией. Воздай честь Небу, а потом земле. Люби истинную славу. Отличай честолюбие благородное от надменности и гордости. Научись заранее прощать ошибки других, но никогда не прощай себе своих. Победы себя — будешь непобедим. Не презирай никогда неприятеля, какой бы он ни был. Военные добродетели суть храбрость для солдата, неустрашимость для офицера, мужество для полководца. Все они должны быть управляемы порядком, дисциплиною, неусыпностью, прозорливостью. Зри в части — семью, в начальнике — отца, в товарищах — братьев. Нога ногу укрепляет, рука руку усиляет. Солдат и в мирное время на войне. Смотри на дело в целом. Верный взгляд военный.

Два воинских искусства: первое — глазомер, второе — быстрота. Умей пользоваться местностью. Набеги отбивать, по обыкновению — наступательно. Кто напуган, тот наполовину побит. Воюют не числом, а умением. Береги пулю на три дня, а иногда и на целую компанию. Стреляй редко, да метко. Пуля дура, а штык молодец. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает. Широкий шаг ведет к победе. Работай быстро, скоро, по-русски. Штыки, быстрота, внезапность. Неприятель нас не чаёт: атакуй с чем Бог послал. Конница — начинай, руби, коли, гони, отрезывай, не упускай. Ура, чудеса творят, братцы. Не употребляй команды стой — это не на учении, а в сражении. Атака — руби, коли, ура, барабан, музыка. Преследуй денно и ночью, доколе истреблен не будет (неприятель). Недорубленный лес опять вырастает. Казаки везде пролезут, их быстрота завершит победу. Неприятель сдался — пощада. С пленными быть милосерду — солдат не разбойник. Грех напрасно убивать — они такие же люди. Поражать неприятеля человеколюбием. Бог нас водит. Он нам генерал. Вот — братцы — воинское обучение. Господа офицеры, какой восторг.

Здравствуйте, братцы, чудо-богатыри!

Любезнейшие друзья мои, старые товарищи, здравствуйте! Помилуй Бог, мы Русские!

Восстановим по-прежнему веру в Бога Милостивого. Очистим беззаконие. Везде фронт.

Равнение по передним. От начальников не отставать. Неприятель от вас дрожит. Вы Русские!

Воязьщех — оружие Русскому — вечная слава! Слава. Слава. Слава.

В Бердюжском районе издается своя газета «Новая жизнь». Сегодня, когда упала подписка на центральные и областные издания, «НЖ» является основным источником информации для сельского жителя. В газете можно найти новости районной жизни, рассказы об интересных людях, литературные материалы — стихи и зарисовки местных авторов...

В этом году газете — 70 лет.

На снимке: глава администрации района И. Г. Горбачев и редактор газеты Т. В. Азарова на проведении лотереи в пользу подписки на газету.

● Книжки земляков

Потрудись, дружок, раскрась...

«Семицветье» — так назвал свою вторую книжку стихов для детей наш тюменский автор Александр Шестаков. Привлекательно-радужная обложка с милыми личиками малышей информирует читателя, что перед ними «книжка-раскраска и стихи-подсказка». Двенадцать забавных сюжетов предлагает Александр Евгеньевич маленьким художникам. Все эти черно-белые картинки, четырехкратно уменьшенные, повторены в цвете на страницах обложки веселого издания. Смотри, мол, начинающий живописец на раскрашенный взрослым вариант и малой себе в удовольствие. Или копию твори или изобретай свою радугу. Словом, познавай мир, окружающую красоту. Оттачивай глаз, тренируй руку, учись неравнодушию.

К своим рисункам автор книжки написал лаконичные четверостишия. Вот такие, например:

*Над водой блеснул карась,
Рыбка золотая.
Потрудись, дружок, раскрась
Всю карасью стаю.*

Или:

*Глянь с балконной высоты
В ливень на прохожих.
Там, внизу, снуют зонты.
Без людей, положе.*

Или:

*Семицветова дуга,
Радуга-красавица.
Под нее бегут стога
От дождя спасаются.*

С хорошим, видно, настроением сочинялась эта скромная по объему работа. С легкой улыбкой, с незамысловатой философией бытия, с прямолинейной логикой живут герои этой мини-книжки. Можно, пожалуй, не сомневаться, что «мальчишки и девчонки и даже их родители» тепло примут этот сборничек. Ну как не порадоваться вот таким, скажем, стихотворным строчкам, дополняющим одну из картинок:

*Медведица-мать не для пляжа одета,
Не нарядила в купальнички деток.
А им и не надо для пляжа рядиться.
Шубки полощут в прохладной водице.*

Поздравляем Александра Евгеньевича Шестакова — в прошлом бердюжанина из деревни Мишино, с новым шагом на трудной творческой тропе. Желаем ему новых успехов и новых героев-друзей в стране разноцветного детства.

Соб. инф.

Редакция газеты «Тюмень литературная» выражает признательность за финансовую поддержку издания этого номера «ТЛ» — администрации Бердюжского района, акционерному обществу «Тюменьоблобувь», а также благодарит за участие в подготовке номера редакцию газеты «Новая жизнь», бердюжское землячество в Тюмени и всех наших уважаемых авторов, приславших свои произведения.

В номере использованы фотографии из Бердюжского районного архива, архива редакций «Тюмени литературной» и «Новой жизни», а также фотографии бердюжского фотолюбителя ИВАНА МАКАРОВИЧА ЗАХАРОВА.

Коллектив Бердюжского РДК и участники художественной самодеятельности села Пеганово.

На одной из встреч выпускников Бердюжской средней школы.
В центре — учитель М. Е. Анфиногенов.

Фольклорный ансамбль "Озериночка" с гостями из Швеции.

После утренней зорьки.

Тюмень
Литературная

Учредители: Тюменская областная писательская организация, коллектив редакции, ТАЛ.

Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10.91 г.

Регистрационное свидетельство № 1248.

В издании газеты участвуют коллектив редакции, Ханты-Мансийская писательская организация, областное общество русской культуры, объединение русских кадет в Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ГУП «Шадринский Дом Печати» комитета по печати и средствам массовой информации Администрации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6. Подписано в печать 02.10.2000. Тираж 1000 экз. Заказ № 1479.

Цена свободная.

Компьютерный дизайн и верстка С. ПАВЛОВОЙ, Е. КОЖЕВНИКОВОЙ.

Корректоры Е. АНТРОПОВА, В. БУМАГИНА.

Главный редактор Н. В. ДЕНИСОВ

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

для ПИСЕМ:
625018, г. Тюмень,
Дом Советов.

